

Наталья Александрова

Тот, кто появляется
в полночь

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Тот, кто появляется в полночь

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Тот, кто появляется в полночь / Н. Н. Александрова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-121998-7

Мистика и фольклор сплелись в одну удивительную историю о правителе Валахии – князе Владиславе из рода Дракулешти, вся жизнь которого прошла в бесконечной и безжалостной борьбе с внешними и внутренними врагами. Его подданные жили в страхе и старались без крайней необходимости не попадаться ему на глаза. Однако по ночам столица Валахии оказывалась во власти другого владыки, еще более беспощадного... Следователь Малашкин, знакомый с Дракулой по книгам и фильмам, конечно, не верил в его существование, однако детали одного весьма необычного дела повергли его в сомнения. Оживший и сбежавший из морга мертвец, умершая от потери крови больничная кладовщица, пропажа пробирок с кровью из клинической лаборатории... Неужели в городе и его окрестностях орудует вампир, который выходит по ночам из земли и пьет кровь живых, чтобы утолить свой вечный голод?... Ранее книга издавалась под названием «Клинок графа Дракулы».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121998-7

© Александрова Н. Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Наталья Александрова

Тот, кто появляется в полночь

© Н. Александрова, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

В конце октября в наших местах темнеет рано, так что пора было подумать о ночлеге. Калиныч огляделся по сторонам и приуныл. Впереди, насколько хватало глаз, вдоль дороги тянулся хмурый осенний лес и не было видно никаких признаков человеческого жилья. И вообще ни души кругом, только маленькая собачонка бежала следом за ним на безопасном расстоянии. Она увязалась за Калинычем в последней деревне – в той самой, где они разошлись с Кофейником.

Калиныч не раз уже пожалел, что поддался на уговоры Кофейника и отправился на промысел в область.

До сих пор он бомжевал в городе и горя не знал: там всегда можно найти какую-нито еду, а то и выпивку, а самое главное – в городе не было проблем с ночлегом, на каждом шагу попадались теплые подвалы. Но Кофейник расписал ему, как много в пригороде пустующих дач, куда ничего не стоит забраться и где можно разжиться и едой, и даже кое-какими теплыми вещами...

Ничего из этого не вышло, отовсюду их гнали, в одной деревне чуть не убили таджики-гастарбайтеры, в другой едва не разорвали собаки. Они понемногу забирались все дальше от города, но здесь было еще хуже, люди злее, а собаки и вовсе звери. В довершение ко всему они переругались с Кофейником. Калиныч решил возвращаться в город и пошел к станции, да, видно, выбрал не ту дорогу.

Дорога сделала крутой поворот.

Лес кончился, слева открылось унылое поле, на котором тут и там валялись пустые ящики, справа, на пологом холме, виднелся одинокий дом. Дом был большой и какой-то странный, как будто нежилой – то ли недостроенный, то ли, наоборот, начавший разрушаться. В нем было три этажа, но все как бы от разных домов, по чьей-то прихоти прилаженные друг к другу: первый этаж – из массивных серых камней, второй – из красного кирпича, третий – деревянный, с выступающими темными балками. Ни одно окно в этом доме не светилося, и вообще от него словно исходило тоскливое и мрачное чувство заброшенности и безысходности.

Но выбора не было: уже начинало темнеть, и лучше переночевать в самом мрачном доме, чем под открытым небом.

Калиныч свернул на узкую тропку, которая взбегала на холм.

Собачонка, которая до сих пор преданно следовала за ним, остановилась на дороге и залаяла, будто хотела остановить человека. Калиныч оглянулся на шавку и призывно свистнул. Все же какая ни на есть живая душа. Но собака за ним не пошла, она села посреди дороги и завывала. От этого заунывного воя настроение Калиныча, и так отвратительное, еще больше испортилось.

– Не хочешь идти – черт с тобой, но на нервы не действуй! – Он поднял с земли камень, замахнулся.

Шавка вскочила, отбежала на несколько шагов и снова завывала.

Калиныч бросил камень наугад, не стараясь попасть, и побрел к дому. Ноги поднимались тяжело, словно на каждую налипло по пуду грязи.

Дом окружал дощатый забор, но доски были пригнаны плохо, и бомж без труда нашел дырку.

Калиныч оказался возле задней стены дома, и тут его ждала неожиданная удача: одно из подвальных окон было разбито. Окно было небольшое, но Калиныч от плохого питания и беспокойной жизни отошел и без труда пролез в это окошко.

В подвале было темно и холодно, пожалуй, даже холоднее, чем снаружи. Этот сырой холод пробирал до самых костей, проникал прямо в душу.

Но больше, чем темнота и холод, Калинычу не понравился запах.

Казалось бы, он, бомж со стажем, привык ко всяким запахам, но здесь, в этом подвале, пахло чем-то особенно неприятным.

Здесь пахло смертью.

– Кошка, что ли, сдохла... – пробормотал Калиныч, оглядываясь по сторонам.

Глаза его привыкли к темноте. Он разглядел сваленные в углу обломки мебели, лестницу в дальнем от него углу и какой-то большой ящик, перегородивший проход к этой лестнице.

Ящик был старый, из толстых темных досок, обитых железом, сбоку на нем висел большой замок.

Хозяйственный бомж подумал, что, коли уж этот ящик заперт на замок, значит, в нем хранится что-то стоящее. Он снова огляделся в поисках какого-нибудь подходящего инструмента. На полу, среди многолетней пыли и мусора, валялась ржавая железная загогулина. Не лом, конечно, но лучше, чем ничего...

Калиныч поддел замок, нажал...

Его железный инструмент погнулся, но замок остался цел.

– Ну, ничего... – пробормотал бомж, – я тебя растолкую...

Он нашел щелку между досками, вставил туда свой инструмент, снова поднажал.

Доска треснула, кусок отлетел в сторону.

Из темной дыры хлынуло густое, невыносимое зловоние. Калиныч отшатнулся, закашлялся, но потом любопытство взяло верх над брезгливостью, он потянулся к дыре, заглянул внутрь.

Ему показалось, что в ящике что-то шевелится.

Но этого, конечно, не могло быть.

Бомж пристально взгляделся в душную зловонную черноту – и вдруг увидел глаза. Белки глаз тускло отсвечивали в глубине ящика. Из темноты на Калиныча смотрел какой-то огромный зверь.

– Матерь божья! – пролепетал Калиныч дрожащим голосом. – Что это за хрень?

И тут страшная, неведомая сила схватила его за шею и втащила внутрь.

Он успел подумать, что это невозможно, что, как бы он ни отошел, но пролезть в такую маленькую дыру не может, сюда и ребенок-то не пролезет...

Больше он ничего не подумал.

Больше вообще ничего не было – наступила вечная, бездонная ночь.

* * *

Встречная машина мигнула фарами, предупреждая, что впереди за поворотом затаился гаишник. Лиза машинально притормозила. Ага, вот он, злодей, сидит в кустах! Смотрит сердито – прицепиться-то не к чему. А сам замерз весь, нос прямо синий. Сегодня ветер колючий, ледяной, к вечеру едва ли не ураган обещали. Все-таки махнул ей рукой. Вот еще напасть! Она свернула к обочине.

– Старший сержант Стриж! – сказал он хрипло. – Попрошу права и документы на машину!

Лиза молча протянула ему то, что он требовал.

Он делал вид, что смотрит документы, а сам втихаря разглядывал ее. Вблизи старший сержант оказался совсем молодым парнем. Все с ним ясно – просто человеку скучно на работе. А она при чем? Ей ехать надо! И так с этой погодой задержалась, приедет на час позже, Никита будет недоволен. Хотя какое он имеет право?

Вспомнив про Никиту, она пошевелилась и тяжело вздохнула.

– Что такая сердитая? – поинтересовался старший сержант. – Случилось что?

Заводит беседу, разговаривает задушевым тоном, прямо как отец родной! А сам взятку ждет!

Лиза не ответила на вопрос, демонстративно взглянув на часы. Не станет она вступать с ним в разговоры, она ничего не нарушала, пускай сам придумывает, в чем она виновата. А если всерьез привяжется, то и ладно, она вообще не поедет к Никите. Тем более что он ее, кажется, и не ждет, раз телефон не отвечает. Снова забыл зарядить мобильник, знает же, что она сегодня приедет, давно договорились!

– Ладно, не буду задерживать, – сказал сержант, – вижу, что торопитесь.

Лиза молча воззрилась на него в полном удивлении.

– Вот еще что, – продолжал он, – на девяностом километре авария большая, четыре машины столкнулись. Езжайте лучше в обход, а то в пробке простояте долго.

– Спасибо, – Лиза благодарно улыбнулась, – мне раньше сворачивать, на Лиственное.

– Счастливого доехать! – он помахал рукой. – Осторожней только, ветер сильный!

«Попадаются и на дороге приятные люди», – подумала Лиза, улыбаясь. Она увидела себя со стороны – симпатичная молодая женщина в новеньком синем «Пежо». Одета хорошо, макияж, маникюр – все при ней. Только к чему это все? И улыбка сползла с ее лица.

Ветер крепчал – вон как мотаются сосны, растущие вдоль дороги. Да еще и дождь пошел, его косые струи ударялись в лобовое стекло несчастного «Пежо». Лиза представила, как она будет долго ехать по проселку, разбрызгивая лужи, как с трудом загонит машину во двор, как пойдет по заросшей сорняками дорожке к дому, спотыкаясь и безуспешно пытаясь закрыться от ветра и дождя. И во что превратятся ее новые сапоги? И во что превратится она сама?

И какая награда ждет ее в том доме на холме? Да если честно, то никакой. Может быть, там ждет ее уютный огонь очага? Камин с расстеленной перед ним шкурой белого медведя (так и быть, можно синтетической)? Горячее вино с пряностями и доносящийся из кухни аромат жареного мяса и выпечки... И сильный мужчина, который встретит ее на пороге и на руках внесет в дом?

Ага, раз мечталась!

Ни тепла, ни заботы, ни тем более любви человек, который живет в том доме, предоставить ей и не подумает. Не захочет, а скорее всего просто не может. Нет у него запасов любви и нежности, он никого не любит, даже себя.

Далее следовал неизбежный вопрос: за каким тогда чертом она едет к Никите сквозь ветер и дождь? Она задает себе этот вопрос уже почти месяц, с тех самых пор, как Никита поселился здесь. И только сегодня Лиза нашла в себе силы ответить на него честно: она это делает по глупости.

Сначала ей было Никиту жалко – он так одинок, его все бросили, она не может поступить как все, заколотить последний гвоздь в крышку его гроба. Она должна ему помочь, поддержать в трудную минуту, уговорить вернуться к нормальной жизни. У него тяжелый период, кто-то должен быть с ним рядом. Она поможет ему, вытащит его из депрессии, вдохнет в него живительную струю. И они начнут новую жизнь, в конце концов, ему еще нет сорока, а ей и вовсе двадцать девять лет, сейчас для женщины это не возраст.

После того как она побывала в этом доме, ее решимости заметно поубавилось.

Дом был большой и пустой, в нем давно никто не жил. А те, кто жил в нем раньше, не оставили после себя ничего, кроме небольшого количества старой мебели. Ни картинки на стенах, ни детского рисунка, ни отметин о росте на косяке старой рассохшейся двери. Стоял дом на холме уединенно, соседей не было. Дорога была не слишком крутой, но совершенно запущенной, Лиза и прошлые разы с трудом добиралась до ворот, а нынче дорогу наверняка размыло.

Снова накатило раздражение. Для чего она все это делает? Для чего гробит свою новую машину, когда еще и кредит за нее не выплачен? Для чего отпрашивается с работы, хотя начальник глядит косо и заставит потом отработать эти часы в двойном размере?

Но, в конце концов, это неважно. Машина – это всего лишь бездушная жестянка, как утверждал Никита, хотя ей казалось, что ее синенький «Пежо» – одушевленная личность, все понимает и даже умеет разговаривать: то тихонько сыто урчит, то шумит негромко, когда едут по ровной дороге, то возмущенно взрывается, когда Лиза заставляет его взбираться на скользкий холм, будь он неладен.

И все же это не главное. Главное – очень изменился сам Никита. Он стал удивительно желчным и неприятным в общении, хотя утверждал, что ему хорошо и спокойно в этом пустом доме в полном одиночестве, что наконец-то у него есть время подумать и, как он выражался, осмыслить свою жизнь.

Но она-то знала его очень хорошо, за то время, что они встречались – больше года все-таки, – она прекрасно его изучила. И теперь видела, что он растерян и совершенно деморализован. И понятия не имеет, что ему делать дальше. Но вместо того чтобы взять себя в руки и начать наконец искать выход из создавшегося положения, Никита обиделся на весь мир и ушел в себя. То есть он ведет себя как избалованный капризный ребенок, который руководствуется единственным правилом: «Назло маме отморожу уши!»

Капризный ребенок без малого сорока лет. Круто...

Он удалился в эту глушь, как король в изгнание. С той только разницей, что он был совсем не король. Однако упорно делал вид, что ему здесь хорошо. И добавлял, что никто ему не нужен, он вполне способен справиться самостоятельно. Это уже было открытым хамством, потому что навещала его одна Лиза, и он мог бы найти для нее хоть несколько слов благодарности.

В первый раз ей стало его ужасно жалко. Он спал с лица, и если еще не опустился, то такое было не за горами.

Когда она приехала во второй раз, то констатировала изменения к худшему почти спокойно. Он заметно похудел, глаза ввалились, волосы отросли, и видно было, что брился он только сегодня, перед ее приездом. В кладовке она нашла кучу грязного белья, на кухне кисла в раковине грязная посуда.

В доме имелся отопительный котел, но он не работал – что-то там сломалось, что неудивительно, поскольку дом долгое время был нежилой. В доме стоял жуткий холод, существовать можно было только в комнате, где Никита устроил спальню. Там стояли старая скрипучая кровать с деревянной спинкой, изъеденной жучком, и платяной шкаф с треснутым зеркалом.

Воду приходилось вручную доставать из колодца во дворе, потому что насос тоже не работал. Электричество в доме, как ни странно, было. На ее робкое предложение починить насос или хотя бы поискать по окрестностям мастера, который смог бы это сделать, Никита ответил решительным отказом. Он ничего не хотел делать в чужом доме. Он вообще ничего не хотел делать.

Лиза с трудом отогнала от себя картину, как он валяется целыми днями в комнате, обогреваемой масляным радиатором, и шарит в Интернете. Этак можно и вовсе с катушек слететь.

Хоть он и утверждал, что ему ничего не нужно, тем не менее жадно съел всю еду, которую она привезла. Голод не тетка. Сам он питался консервами и черствым хлебом, который раз в

неделю привозили в магазинчик в соседней деревне. Летом с продуктами было получше, но зимой деревни пустели, все жители перебирались в город.

Лизе все не нравилось в этом доме, он наводил на нее страх. С любовью тоже все вышло плохо. Так противно ложиться в эту старую кровать с мятыми несвежими простынями, ей было неуютно и скучно, ничего не хотелось. Никита же, казалось, ничего не замечал, он совсем не думал о ней.

Нужно было проститься еще в тот раз. Сказать, что она больше не сможет приезжать, с работы не отпускают, а выходные у нее заняты. И поскорее уехать.

А если по-умному, то следовало расстаться еще тогда, когда она узнала, что Никиту уволили с работы. Но ничто не предвещало крупных неприятностей. Ну, кризис, у всех проблемы, и все как-то их решают. Рано или поздно, с большим или меньшим успехом. И сначала она хотела дать ему время для того, чтобы прийти в себя.

А через две недели он огорошил ее известием: расстался с женой и уезжает за город, к друзьям.

Будь это в начале их романа, Лиза упала бы в обморок от счастья. Он наконец-то расстался с женой! Сам так решил, она, Лиза, нисколько на него не давила. Но к тому времени она уже прекрасно знала, что сам Никита решать ничего не может. Точнее сказать, не хочет. Ему и так хорошо. Что ж, она с этим давно смирилась. В конце концов, у нее тоже непреодолимые обстоятельства. Поэтому не нужно ничего менять.

Так они встречались от случая к случаю больше года. А потом вмешался кризис. Теперь волей-неволей приходилось что-то решать. И Никита выбрал путь наименьшего сопротивления, просто спрятал голову в песок, как страус.

Лиза не была знакома с его женой и не имела никакого желания с ней знакомиться. И никогда не спрашивала о ней у Никиты. Но все же какие-то сведения прорывались. Вскоре она поняла, что Никита не сам ушел, жена его просто вытурила. Тогда она возмущалась – как можно, человек и так в бедственном положении. Теперь же она думает, что все там было не так просто. И если бы она после второго приезда нашла в себе силы сказать твердое «нет», всем было бы только лучше. Ей не нужно было бы тащиться сюда по ужасной дороге, а Никите не перед кем было бы притворяться, и он уехал бы в город и занялся поисками работы. Но тогда, неделю назад, она дала слабину, внезапно накатили воспоминания о первых неделях и месяцах их знакомства.

Как он ей нравился! Как приятно было смотреть на него – красивого, раскованного, улыбающегося открытой улыбкой! Еще приятнее было проводить с ним время и слушать его умные речи. Говорить он умел, это точно.

Они познакомились на корпоративной вечеринке, их фирма тогда удачно сдала большой проект, и на корпоративе присутствовали сотрудники рекламного агентства, которое занималось продвижением проекта. Было много народу, Лиза хорошо знала едва ли половину, с некоторыми просто здоровалась.

Никиту она увидела тогда впервые. Интересный, хорошо одетый мужчина сидел в углу за роялем и наигрывал что-то спокойное и удивительно подходящее к Лизину настроению. Она не удержалась и подошла ближе. Он улыбнулся ей, как старой знакомой, затем поглядел внимательно и заиграл что-то совсем другое.

– Это я вас так вижу! – сказал он. – Музыкой можно очень многое выразить.

– А каким вы видите себя? – спросила она, но он ответил, что самого себя трудно оценить.

Они поговорили, выпили по бокалу вина, познакомились.

– Я буду звать вас Бета, – сказал он, – так вам больше идет.

Она не возражала. Так получилось, что никто не тревожил их в этом уголке за роялем, они проболтали почти час. Впрочем, говорил больше он, а Лиза слушала. Говорил он замечательно, любая самая простая история у него выходила веселой и занимательной. В процессе

разговора он наигрывал какие-то музыкальные фразы, сыпал стихами, один раз нарисовал что-то на листке бумаги.

Она знала, что он – сотрудник рекламного агентства, но не спросила, чем он занимается. Ей не нравилось, когда все с ходу начинают выяснять, что за должность человек занимает, как будто важнее этого ничего нет на свете. Еще бы про зарплату спросили!

Тогда, в первую встречу, Никита ее просто очаровал. Ей нравилось смотреть, как он склоняет голову к роялю, как его длинные музыкальные пальцы перебирают клавиши, словно лаская их, как он улыбается, а в глазах появляются веселые искорки. Ей нравилось слушать его голос, нравилась его манера непринужденно перескакивать с одной темы на другую без всякого перерыва. Он показался ей разносторонней личностью, его внутренний мир был огромен. И он готов был делиться своим богатством, от этого оно не уменьшалось.

Вечеринка незаметно закончилась, кто-то отвлек Лизу, а когда она обернулась, за роялем уже никого не было. А ведь он так и не спросил номер ее телефона.

Следующая неделя была ужасной. Лиза не находила себе места, ночами ей снился Никита в виде прекрасного принца, она сама себя ненавидела за эти сны. Вроде бы не девочка, двадцать восемь лет, а вот, поди ж ты, угораздило так влюбиться. И ведь она совершенно не знает этого человека!

Кое-какие шаги она все же предприняла, сумела ненавязчиво выяснить его фамилию и должность. Можно было бы позвонить по служебному номеру и попросить господина Орлана. Фамилия его была Орлан. Никита Орлан, как красиво...

Но что она ему скажет? Вполне возможно, что он ее и не вспомнит. Неделю она боролась с собой, призывая на помощь гордость и здравый смысл. Даже Капа заметила: «Лизочек, что-то с тобой не то... Бледненькая, глазки больные, чашку разбила... Ты маленького ждешь? Как было бы хорошо, я свяжу ему носочки...»

Она тогда жутко наорала на Капу, до сих пор стыдно.

На восьмой день он позвонил. Сняв трубку служебного телефона, она узнала его голос сразу, но не поверила своим ушам. А он поболтал немножко, как будто они были старинными друзьями, и пригласил ее на кофе. Она едва нашла в себе силы сказать «да» и долго сидела потом с идиотской улыбкой, прижимая к груди плакающую трубку. Проходящий мимо начальник и тот удивился: «Что с тобой, Скворцова, наследство, что ли, получила от тетушки из Швейцарии?» Это он так шутил.

После второй встречи Лиза твердо поняла, что встретила мужчину, который ей нужен. Все остальные, кто был до этого, не шли с ним ни в какое сравнение. Скучные, ограниченные мужчины, думающие только о машинах и рыбалке, некоторые, правда, были увлечены карьерой.

Никита был совсем не такой. С той, второй, встречи она твердо решила, что с этим мужчиной ей никогда не будет скучно. Как же она ошибалась!

Но тогда жизнь казалась ей расстилающимся под ногами ковром, покрытым живыми цветами. Впечатление не испортил даже тот факт, что Никита оказался женат. Лиза не собиралась за него замуж, она хотела его любить. В конце концов, он сам сделал первый шаг, а про жену сказал, что они давно уже чужие люди и живут вместе только по привычке. Все так говорят.

Им было очень трудно встречаться, чтобы побыть только вдвоем, поэтому интимная близость не надоедала. У него была жена, а у Лизы – Капа.

Капа – это отдельная песня, Капа досталась ей в наследство вместе с квартирой. Кем она приходится Лизе, трудно было определить, какая-то очень дальняя родственница. Капе было прилично за восемьдесят, точного возраста опять-таки не знал никто из родных. Лиза все же как-то задалась целью вычислить, кто же такая Капа. Получалась какая-то путаница – не то она Лизе двоюродная бабушка, не то троюродная тетя, не то и вовсе сводная сестра ее деда.

Капа всегда была бодра, весела, как птичка, всем довольна и счастлива. Ничем особенным не болела, кроме головы.

Капа была в маразме. Не то чтобы совсем ничего не соображала, но имела в голове порядочное число крупных, откормленных тараканов, которые постоянно множились. Что она делала с неизменной страстью – это следила за собственной внешностью, постоянно меняла блузки и шарфики, очень много времени проводила перед зеркалом, накладывая косметику по пять раз на дню, причем подворовывала у Лизы дорогую помаду и тушь.

Поручить Капе что-нибудь по хозяйству было невозможно: она путалась в кнопках бытовой техники, сломала кофеварку и едва не залила соседей, испортив стиральную машину. Вместо соли могла насыпать в кастрюлю стиральный порошок, а вместо жидкости для мытья стекол использовала Лизин лосьон для лица. Могла включить газ под пустой кастрюлей, так что Лиза всерьез боялась пожара. В конце концов пришлось врезать замок на дверь кухни, и Лиза запирала ее, уходя на работу. Кормить Капу приходила соседка, она же следила, чтобы Капа не оставляла текущий кран в ванной и гасила ненужный свет.

Лиза никого не могла к себе пригласить, потому что Капа, скучавшая в одиночестве, гостей обожала. Она считала своим долгом занимать гостя бесконечными разговорами, пускалась в воспоминания, приносила огромный плюшевый альбом с фотографиями, перетрахивала перед гостем различные безделушки, которых было у Капы великое множество. И с каждой связана была какая-нибудь история, преимущественно любовная, Капа рассказывала все время разное.

В общем, не то чтобы уединиться, а просто поговорить о своем в присутствии Капы не было никакой возможности. Выдерживали Капу только немногочисленные родственники, к тому же забредавшие к Лизе крайне редко.

Нет, Никите в доме Лизы не было места даже на вечер.

Они встречались в кафе, бродили по вечерним улицам, ездили за город, если позволяла погода. Занимались сексом в квартире ее подруги, которая уехала в Штаты на стажировку. Потом подруга вернулась, они стали встречаться реже, затем на Лизу навалилось много работы, после заболела Капа, и они не виделись почти месяц.

А потом, на ежегодной корпоративной вечеринке, Лиза увидела, как он сидит в уголке за роялем, а рядом с ним – незнакомая девица. Судя по всему, она подошла к Никите случайно, они не были знакомы раньше. Лиза приблизилась, никем не замеченная, и услышала, что он рассказывает девице ту же историю, что и ей когда-то. Потом он наиграл знакомую мелодию и сказал, улыбаясь:

– Это я вас так вижу. Музыкой можно многое выразить.

Девушку позвал кто-то, и она ушла. Никита играл что-то тихо, а Лиза стояла и смотрела на него совершенно другими глазами. Он был по-прежнему хорош, когда рассказывал что-то, но она знала, что истории его повторяются, и его оживление какое-то искусственное, и на фортепьяно он умеет играть лишь несколько мелодий, она все их слышала не раз. И стихи цитирует он одни и те же, и рисует... в общем, так себе. И весь он какой-то слишком легкий, поверхностный. И нет у него внутри никакого своего особого мира, все это ей только кажется.

Он поднял голову и улыбнулся ей, и Лиза выбросила из головы все здравые мысли. Все же ей было с ним хорошо.

А через некоторое время его уволили с работы.

* * *

Никита проснулся внезапно, как от толчка, сел в кровати. Сердце билось, как птица в клетке, в горле пересохло. Перед глазами еще теснились смутные обрывки сна.

В окнах была промозглая осенняя тьма. Он взглянул на часы – начало восьмого, до расвета еще далеко...

Встал, выпил воды из кружки, что стояла тут же, на стуле возле кровати, хотел снова лечь и вдруг услышал в глубине дома странные звуки. Какой-то приглушенный скрежет, как будто что-то пилили ржавой затупленной пилой.

Теперь он понял, что именно эти звуки его и разбудили.

Никита испугался. Наверное, воры или бомжи ломают входную дверь, чтобы забраться в дом... А у него нет даже оружия, чтобы пригрозить им. Ни пистолета, ни охотничьего ружья, ни ножа, ни топора под рукой. Топор валялся где-то в сарае, были там и дрова, но Никита ленился топить печь, уж больно много хлопот.

Он привычно пожалел о том, что ввязался в эту авантюру, согласился поселиться в чужом загородном доме.

В первый момент это показалось ему прекрасным выходом – не нужно думать о жилье и работе, можно прийти в себя, собраться с мыслями, продумать линию поведения.

В глубине души он надеялся, что жена одумается, придет к нему и будет уговаривать вернуться, начать все сначала...

Но она не приехала.

Она даже ни разу не позвонила. Видимо, не могла нарадоваться, что наконец избавилась от него.

Он вспомнил ее холодные слова, сказанные спокойно, без крика и накала, она вообще была женщиной выдержанной, никогда не срывалась по пустякам.

«Ты мне надоел своей пустой трескотней, – сказала она, – своим ничем не поддержанным самомнением, своей болтовней на отвлеченные темы. За всю жизнь я не слышала от тебя ничего дельного. Я понимаю, по-настоящему умных людей в мире не так уж много, с моей стороны было бы наивно надеяться, что мне достанется умный муж. Но если бы ты хоть что-нибудь умел делать по-настоящему! Я больше не могу, – завершила она, – давай расстанемся, ты будешь соблазнять молоденьких дурочек, возможно, они не сразу тебя разглядят...»

Он тогда ужасно обиделся, назвал жену предательницей, подколотой змеей и подлой тварью. Он упрекал ее в том, что она нарочно выбрала такой момент, когда у него трудный период, чтобы окончательно его добить.

Жена и бровью не повела и даже не ответила на его оскорбления. «Ничего страшного, – сказала она, – с тобой не случилось. Уволили с работы по сокращению штатов в связи с кризисом? Да такое теперь на каждом шагу! Ищи другую работу, даже полезно – покрутишься, узнаешь, что почем, проверишь свои силы, возможно, сменишь профиль...»

В голосе ее он слышал легкую насмешку. И завелся по-настоящему. Если бы она кричала и упрекала его за бесцельно прожитые годы, если бы устраивала сцены ревности, он мог бы ответить ей, завязался бы какой-никакой диалог, а в таких случаях он всегда выходил победителем. Но жена не стала отвечать на его оскорбления, она просто смотрела на него с презрением. Тогда он наорал на нее, заявил, что ноги его не будет больше в этом доме, хлопнул дверь и плюнул на порог.

На работе выдали при увольнении какие-то деньги, он решил снять квартиру, но тут приятель предложил вариант. Его знакомые купили этот дом и искали кого-то, чтобы пожил там некоторое время. Он согласился – ему виделось в мыслях, как он, одинокий и никем не понятый, сидит у камина и думает. А может быть, он что-то создаст – настоящий шедевр. И жена возьмет все свои слова назад, и его тоже возьмет. И попросит прощения. А он еще подумает, но потом простит.

Но жена даже не позвонила ни разу, чтобы узнать, как он там. А ведь прожили вместе десять лет! И вообще никто не звонил, как будто он исчез, будто его и не было никогда.

Правда, несколько раз приезжала Бета, но и она держалась отчужденно, неодобрительно и торопилась скорее уехать. Ее угнетала и мучила мрачная атмосфера этого дома.

Ему самому тоже было здесь неуютно, но Никита никому в этом не признавался, он делал хорошую мину при плохой игре.

По крайней мере, пытался...

Снизу снова донесся приглушенный скрежет.

Никита торопливо оделся, схватил дубинку, которую он смастерил из ножки от старого стула, мощный электрический фонарь и вышел из своей комнаты.

Включил свет, огляделся по сторонам.

Пыль, запустение, холод. Хорошо хоть электричество есть, хотя бы в некоторых комнатах, иначе он бы просто не выжил.

У него в спальне было тепло, Никита держал постоянно включенным масляный радиатор, но во всех остальных комнатах стоял арктический холод. Чтобы протопить весь этот огромный дом, нужно было расставить всюду не меньше сотни радиаторов или сжечь целый грузовик дров. В сарае имелись нераспиленные дрова и какие-то обломки мебели, можно было бы хоть изредка топить камин, но Никита боялся, что трубы забиты сажей и может возникнуть пожар. Черт дернул его связаться с этим домом! Он сделал это назло жене, а она только обрадовалась. Он не сдержал вырвавшееся бранное слово.

Никита обмотал шею шарфом и прислушался, чтобы понять, откуда доносятся звуки.

Как назло, наступила тишина.

Наверное, воры слышали его шаги и затаились.

Он тоже замер, вслушиваясь в тишину большого старого дома.

Где-то чуть слышно поскрипывали рассохшиеся половицы, где-то подвывал ветер. Вдруг сквозь все эти мирные, привычные звуки снова раздался скрежет.

Он явно доносился снизу, с первого этажа.

Стараясь ступать бесшумно, Никита спустился по лестнице. В холле первого этажа электричества не было, большое помещение едва освещалось тусклым светом, проникающим из окон. Никита включил фонарь, посветил перед собой, затем пересек холл, подкрался к входной двери, замер, прислушиваясь.

Дверь была заперта, за ней царил тишина – точнее, обычные звуки осенней ночи: шум ветра, скрип деревьев. От сердца немного отлегло. Никита перевел дух и прислонился к шершавой стене.

И тут он снова услышал тот же страшный скрежет.

Теперь он был гораздо громче и доносился не с улицы, а сзади, из глубины дома.

Никита повернулся и пошел в направлении звука.

Скрежет доносился из-за двери, ведущей в подвал.

Все понятно – воры пролезли в дом через подвальное окно... Кажется, вчера он видел, что оно разбито...

Но что они там пилят?

Никита толкнул подвальную дверь. Она была не заперта.

Он открыл ее, сделал несколько неуверенных шагов по лестнице, освещая перед собой ступени. В подвале стояла кромешная тьма, если и был сюда проведен свет, то лампочка давно перегорела.

За дверью было еще холоднее, чем в доме. Гораздо холоднее. Оттуда тянуло могильным холодом.

А еще... еще из подвала потянуло зловонием. Запах был такой отвратительный, что Никиту замутило.

Никита направил вниз луч фонаря и крикнул:

– Кто здесь?

Никто ему, разумеется, не ответил, но скрежет на какое-то время прекратился.

– Убирайтесь прочь! Я уже вызвал полицию!

Никита действительно достал мобильный телефон, взглянул на погасший дисплей...

Он, как обычно, забыл поставить телефон на зарядку, и теперь от него не было никакого толку. Но нельзя показать свою растерянность тем, кто хозяйничает в подвале!

Никита сделал еще два шага по лестнице, шаря по подвалу лучом фонаря.

На первый взгляд, там никого не было. Только груды мусора, обломки старой мебели, покрытые густым слоем пыли.

И тут Никита снова услышал тот же самый скрежет.

На этот раз он раздавался совсем близко, его источник находился рядом с лестницей, ведущей в подвал. Никита направил туда луч фонаря и увидел огромный ящик. Ящик из темных досок, обитых заржавленными железными полосами.

Крышка ящика была заперта на висячий замок, а еще на ней виднелась темно-красная сургучная печать. Но боковая стенка ящика оказалась проломленной, там виднелась большая неровная дыра, сквозь которую ничего не было видно. Точнее, сквозь эту дыру было видно *ничто* – черная пустота, тьма, густой мрак.

И еще... хотя Никита стоял довольно далеко от ящика, ему отчего-то показалось, что именно оттуда, из этого темного пролома, сочится, расползаясь по подвалу и медленно проникая в дом, то самое невыносимое зловоние.

– Кто... кто здесь? – повторил Никита без прежней уверенности в голосе. Он взвесил в руке свою дубинку... и понял, что она совершенно бесполезна, что она не поможет ему, не защитит от того зла, которое таится за проломленной стенкой ящика.

И тут снова раздался душераздирающий скрежет.

Но теперь, когда Никита был совсем близко к его источнику, ему не казалось больше, что что-то пилит. Теперь ему казалось, что кто-то грызет деревянную стенку ящика.

Несмотря на царящий в подвале могильный холод, Никита покрылся липким потом.

– Черт знает что такое... – пробормотал он, попятившись. – Развели тут какую-то пакость...

Ему больше не хотелось доискиваться причин странного скрежета. Ему хотелось бежать отсюда прочь, бежать как можно скорее и как можно дальше. В город, скорее вернуться в город, к людям, к теплу и свету, к пустым разговорам, к жизни... Хватит уже, насиделся тут сычом, уже мерещится черт знает что...

А для начала – хотя бы выбраться из подвала и запереть дверь, отгородиться этой дверью от тьмы, холода и ужаса, таящегося в подвале.

Правда, возникала одна неприятная проблема.

Чтобы выбраться из подвала, нужно было повернуться спиной к этому жуткому скрежету, повернуться спиной к ящику, к сочащемуся из него мраку и зловонию, а это оказалось выше его сил. Глаза его против воли устремлялись к ящику, рассматривали замок и странную сургучную печать – в сильном свете фонаря Никита видел на ней необычного вида крест.

Никита попытался подняться по лестнице пятясь, спиной вперед, но зацепился ногой за ступеньку и едва не свалился. Он остановился, перевел дыхание, постарался взять себя в руки, постарался справиться с нарастающим в душе ужасом.

И в это время из ящика донесся тяжелый, хриплый вздох.

В этом вздохе была такая древняя, такая глубокая и черная злоба, что Никита не выдержал, развернулся и бросился вверх по лестнице.

Ему нужно было преодолеть всего несколько ступенек, всего две... одну... он уже схватился за дверную ручку...

И в этот момент на его плечо легла тяжелая холодная рука.

Тяжелая и холодная, как могильная плита.

Тяжелая и холодная, как сама смерть.

* * *

Лиза свернула с проселка на подъездную дорогу. Из-под колес полетели комья грязи. Машина забуксовала, мотор взвыл, пытаясь справиться с непосильной задачей.

«Ну вот, еще и машину угроблю, – подумала она с тоской. – И какого черта я сюда поехала? Тоже мне благотворительница нашлась! Жалко тебе его? Да не нужна ему твоя жалость! Он сам себя не жалеет, своими руками разрушает собственную жизнь...»

Под колесо попал клочок твердого грунта, и машина справилась, выехала на дорогу, подкатила к воротам.

– Умница! – проговорила вслух Лиза и погладила приборную панель.

Она считала, что нужно время от времени хвалить машину, компьютер, прочую технику, тогда все эти полезные вещи будут служить ей верой и правдой. А свой «Пежо» она просто обожала и наделяла его человеческими чертами.

Затормозив перед воротами, Лиза дважды нажала на клаксон.

Резкий, требовательный сигнал показался ей оглушительным, однако никто на него не вышел. Дом за воротами стоял мрачный и нежилой. Не шел дым из трубы, не горел свет в окне, не висели на перилах крыльца яркие половички, доски крыльца были мокрые, на них валялись опавшие листья и комья грязи.

– Что он, спит до обеда? – проговорила Лиза с раздражением, впрочем, сердиться в данном случае можно было только на себя.

Делать нечего, пришлось выбраться из машины, прошлепать по грязи к воротам и самой распахнуть их.

Она тут же заляпала сапоги и лишний раз удивилась собственной глупости – не хватило ума сообразить, что дождем размочит дорогу в полное безобразие. Это тебе не в городе добежать десять метров от подъезда до машины!

Ругаясь сквозь зубы, она вернулась в машину, въехала на участок, подкатила к крыльцу и заглушила мотор.

Вот теперь на нее обрушилась тишина, нарушаемая только унылым завыванием ветра и шорохом последних осенних листьев.

Лиза вышла из машины, запрокинула голову, оглядела дом.

Как и в первый раз, он произвел на нее странное впечатление мрачного благородства. Мощные валуны, из которых был сложен первый этаж, дышали какой-то первобытной силой, потемневшие от времени и непогоды оконные переплеты сохранили строгое изящество, крутая крыша напоминала средневековый рыцарский шлем. Приходилось признать, что этот дом удивительно подходит к скудной северной природе и сегодняшнему мрачному дню.

Лиза поднялась на крыльцо, громко постучала в дверь, окликнула Никиту.

Но он по-прежнему не отзывался.

– Да что же это такое! – пробормотала она сердито и взялась за ручку двери, решив, что это переходит всякие границы и что терпение ее лопнуло.

Но в конце концов, все к лучшему в этом лучшем из миров, как говорит Капа. Теперь у нее развязаны руки, она спокойно скажет Никите, что между ними все кончено, и больше она в эту глушь не придет никогда. Осознав сей факт, Лиза приободрилась и дернула дверь. Та была не заперта.

Она вошла в дом, огляделась по сторонам.

В холле, как и прежде, царили холод и запустение. Казалось, что в доме никто не живет, но точно так же здесь было и раньше, когда ее встречал Никита.

Ей показалось, что внутри еще холоднее, чем на улице. Но хуже, чем холод, было навалившееся на нее ощущение присутствующего в доме зла. Зла и страха. Лиза с трудом преодолела этот страх, откашлялась и снова позвала:

– Никитушка, где ты? Я приехала!

Да где же он? Почему не выходит к ней, почему не отвечает?

Лиза начала беспокоиться. Она позвала еще и замолчала на полуслове, почувствовав, что голос ее дрожит.

Может быть, он заболел, лежит с высокой температурой, не в силах подняться? В таком холоде это неудивительно...

Лиза торопливо поднялась по лестнице на второй этаж, вошла в комнату, которую он выбрал для себя.

Здесь чувствовалось присутствие человека, самое главное, здесь было тепло, всю работу масляный радиатор. Кровать разобрана и еще хранила отпечаток тела, но Никиты здесь не было.

Может, он понял, что сделал глупость, поселившись в этом доме, и уехал в город?

Подумав так, Лиза разозлилась: уехал, ничего ей не сказав, не позвонив, и она впустую проделала такую дорогу, потеряла целый день, чуть не угробила машину...

Но тут до нее дошло, что, если бы Никита уехал, он бы запер входную дверь и уж во всяком случае выключил бы радиатор...

Нет, конечно, он где-то здесь, в доме.

Лиза снова вышла из теплой комнаты в арктический холод, в растерянности остановилась на пороге, громко позвала Никиту, не дождалась ответа и спустилась в холл.

Чувство тоски и неясного страха, разлитое в доме, тут казалось особенно густым и концентрированным. Лиза зябко передернула плечами, огляделась.

Тусклый свет пасмурного дня с трудом проникал сквозь пыльные окна и едва освещал холл.

По углам стояли разрозненные остатки старой мебели: покрытый серой слежавшейся пылью ломберный столик с гнутыми ножками, венский стул, кресло с продранной обивкой.

В глубине, возле давно не топленного камина, виднелась полуоткрытая дверь.

Лиза не помнила, куда ведет эта дверь, но какое-то неосознанное чувство тянуло ее к ней и в то же время отталкивало, предупреждало о таящейся за дверью опасности.

Она все же преодолела страх, подошла к двери, открыла ее.

За дверью была крутая лестница, ведущая в подвал.

Оттуда тянуло еще большим холодом. И еще... еще из подвала сочился какой-то ужасный запах. Ее затосило, сердце поднялось выше и забилося где-то у горла.

– Никита! – крикнула она.

Точнее, только хотела крикнуть, голос сорвался, горло сжал спазм.

Лиза пошире открыла дверь, взглядела в темноту подвала... и увидела внизу, на лестнице, вытянувшееся безжизненное тело.

Это был Никита.

Он словно пытался выползти из подвала, но не смог и застыл, вцепившись в ступени.

– Никита! – вскрикнула Лиза с испуганной запоздалой жалостью. – Никитушка...

Она спустилась к нему, боязливо схватила за плечи, встряхнула. Он не подавал признаков жизни. Тогда Лиза перевернула его, увидела лицо – и поняла, что уже ничем не может ему помочь.

Он был мертв. Это стало понятно и по его абсолютной, окончательной неподвижности, и по тому, каким он был холодным, но в первую очередь – по выражению его лица. На его лицо смерть уже наложила свою неизгладимую печать.

И еще... это лицо было искажено диким, невыносимым, первобытным страхом.

Лиза подумала, что сам этот страх вполне мог убить его.

Хотя она не сомневалась, что Никита мертв, она все же проверила пульс. На запястье не нашла, но на всякий случай дотронулась до шеи. Пульса не было, но она заметила чуть ниже уха две небольшие ссадины.

Еще недавно она думала о нем с тоской и раздражением, но теперь вдруг ее сердце пронзила жалость. Жалость и нежность.

Лиза прижала к себе его все еще красивую голову и заплакала.

Она сама не понимала, о чем плачет – об умершем любовнике или о своем потраченном впустую времени и о том, что впереди ее ждет такое привычное, такое ненавидимое ею одиночество...

Тело Никиты было невыносимо холодным – и она отстранилась от него.

И вдруг боковым зрением заметила внизу, в глубине подвала, какое-то движение.

Лиза вздрогнула, повернулась...

Ей показалось, что в темноте мелькнули два огонька.

Она оттолкнула мертвое тело Никиты, вскочила...

Огоньки стали ярче, они приблизились. И вместе с ними приблизился тот ужасный запах, который Лиза почувствовала, открыв дверь подвала. Лиза шагнула вверх по лестнице...

В это время осеннее солнце пробилось из-за туч. Его лучи проникли сквозь пыльные окна, озарили холл тусклым сиянием старого золота и просочились даже в подвал, залив своими слабыми отблесками стоящую на лестнице девушку. Из темноты подвала донеслось раздраженное шипение, какое издает потревоженная змея, и огоньки погасли.

Лиза перевела дыхание, поднялась по лестнице и закрыла за собой подвальную дверь.

Первым ее побуждением было как можно скорее уехать из этого страшного дома, вернуться в город, к своей тусклой, но нормальной и безопасной жизни.

Но потом она спохватилась, мысленно одернула себя. Она представила, как она уедет, а Никита так и будет лежать там, в подвале. Никто не придет, сюда приезжала только Лиза, никто не вспомнит о нем больше...

Нельзя бросить Никиту там, в подвале, оставить его одного навсегда... нужно что-то сделать... «Скорая помощь» уже не требуется, но милицию, то есть полицию, надо вызвать.

Значит, придется еще на какое-то время остаться в этом доме...

Лиза вспомнила огоньки, глядевшие на нее из темноты, и вздрогнула.

Что это было?

«Да ничего, – попыталась она успокоить себя, – может быть, это мне просто померещилось... ну, не померещилось, значит, это бездомная кошка поселилась в подвале...»

Лиза взяла себя в руки, достала телефон, долго соображала, куда звонить, долго тыкала в кнопки непослушными от холода пальцами.

Наконец она дозвонилась куда нужно, сумела внятно объяснить, что нашла в доме мертвого человека, и даже смогла объяснить, что это за дом и где он находится.

Некоторое время она провела в спальне Никиты, находиться в холле не было сил. Лиза обхватила голову руками и отдалась своему горю. Ей было плохо, плохо и стыдно за свое раздражение, за свои злые мысли, за свое решение больше не приезжать. Она ехала сюда и ругала его, а Никита был уже мертв. Есть от чего впасть в тоску!

* * *

Как ни странно, полиция приехала очень скоро. Как объяснил молодой разговорчивый парень, они были поблизости, разбирались с дракой в соседней деревне.

– Ну, что тут у вас? – проворчал второй полицейский, молчаливый коренастый дядька лет пятидесяти.

Лиза с опаской открыла дверь подвала, показала лежащий на лестнице труп. Полицейский спустился, осмотрел труп, пробормотал что-то неразборчивое, потом повернулся к Лизе:

– Вы потерпевшему кем приходитесь?

– Я? Ну... как вам сказать... – Лиза растерянно замолчала.

– Ясно. Любовница. – Полицейский, кряхтя, выбрался из подвала, вытер руки платком. Его молодой напарник подскочил, как на пружине, и торопливо, возбужденно заговорил:

– Ну, значит, Михалыч, как мне это представляется... Она вот с ним, с потерпевшим, поссорилась, толкнула его, он упал с лестницы и сломал шею... причинение смерти по неосторожности, за это много не дают. Но чистосердечное признание смягчает вину...

– Да что вы такое говорите! – вспыхнула Лиза. – Когда я приехала, он уже был мертв!

– Документы у вас есть? – спросил, не глядя на нее, старший.

– Есть, в машине... – Лиза повернулась, собираясь принести, но молодой схватил ее за локоть.

– Я сам принесу!

– От чего он умер? – нервно заговорила Лиза, когда он ушел.

– Медицина разберется. – Старший вернулся в холл, достал какие-то бумажки и огляделся, куда бы присесть. – Плохо живете... – осуждающе сказал он, – грязь кругом, пыль, стул хоть есть неломаный?

– Я не знаю, – Лиза отвела глаза, – говорю же вам, я тут не живу, приехала его навестить. Там, наверху, есть жилая комната.

Все переместились наверх.

– Вот, значит, где вы с покойничком... – хмыкнул молодой парень, и от его нагловатого взгляда Лизе стало так муторно, хоть вешайся.

– Виталик, – предостерегающе сказал старший, – ты на месте преступления находишься, веди себя соответственно.

– А с чего ты, Михалыч, решил, что это преступление? – тут же завелся Виталик. – Может, это несчастный случай, и он сам упал, по собственной неосторожности...

Как видно, ему было все равно, что говорить, лишь бы поспорить.

– Возможно... – протянул Михалыч, – только что ему в том подвале понадобилось? Не знаете? – Он внимательно поглядел на Лизу из-под лохматых бровей.

– Понятия не имею! – занервничала она. – Говорю же вам, когда я приехала, он уже мертвый был!

Снова никто не обратил внимания на ее слова. Михалыч углубился в бумаги, Виталик походил по комнате, потрогал вещи Никиты, включил компьютер. Михалыч сосредоточенно писал, потом остановился и удовлетворенно поглядел на заполненные листы.

– Так... – сказал он, – тело найдено в подвале... угу... видимых повреждений не обнаружено...

– Да вы же его даже не осматривали! – закричала Лиза.

– Зачем? – удивился Михалыч. – Это уж врач точно скажет, от чего он помер. А мое дело – улики собрать. А вы, женщина, не кричите, а отвечайте на вопросы.

Лиза с большим трудом подавила стоявшее в горле возмущение и покорно сообщила, кто такой Никита, его фамилию, домашний адрес и телефон.

– А как же он здесь оказался? – Михалыч отложил ручку.

– Он с женой поссорился... – выдавила из себя Лиза, – ну и ушел... его друг пустил пожить.

– С женой поссорился, значит... – протянул Михалыч, – а ты, значит, уже тут как тут...

– Что вы имеете в виду? – Лиза рассердилась. Какое право они имеют так с ней разговаривать?

– А то, что нечего соваться между мужем и женой! – Михалыч, похоже, тоже вышел из себя. – Если бы ты здесь не вертелась, они бы, может, помирились, он вернулся бы к жене и не помер так глупо! Молодой ведь мужик, сорока нету!

– Какой вы, однако, моралист, – прищурилась Лиза, – человеческую природу знаете почище Зигмунда Фрейда. Вам бы психоаналитиком работать, большие деньги бы получали!

– Михалыч... – обрадованно завопил Виталик и оторвался наконец от компьютера, – а чего она обзывается? Счас мы ее оформим и в отделение свезем! Посидишь двое суток, забудешь все слова умные!

– Да я же уже все рассказала, – Лиза пошла на попятный, – больше ничего не знаю...

– Порядок такой, – твердо сказал Михалыч, укладывая в папку свои бумаги и ее документы. – Поедете с нами, в отделении разберемся, все как положено.

– Слушайте, но соседи ведь могут подтвердить, что я только что приехала! – взмолилась Лиза. – Кто-нибудь видел машину...

– Какие соседи! – отмахнулся Виталик. – Тут рядом никого нету, да и при такой погоде людям только в окно смотреть...

Посоветовавшись, эти двое решили дверь не запирать, потому что санитары приедут за трупом.

Виталик скрылся на минуту и вышел, держа под мышкой сверток в цветастой наволочке, по его довольному виду Лиза поняла, что там Никитин компьютер.

Дорогу Лиза проехала на автопилоте, не смотря по сторонам. Она была в шоке. Неужели они и правда задержат ее на двое суток, как обещали? Что делать? Как выбраться?

Она уже не горевала о Никите, теперь ее охватили и страх, и злость. Ведь не хотела ехать сегодня никуда! Так и нужно было прислушаться к себе и остаться дома. Или уж потом, когда обнаружила тело Никиты, надо было бежать оттуда на предельной скорости. Этот Виталик прав, кто ее там видел... А потом позвонить в полицию из автомата. Или вообще не звонить. Господи, как плохо все...

Они приехали в поселок Лиственное, где находилось отделение полиции. Против ожидания, аккуратный двухэтажный домик выглядел вполне приветливо, и внутри было чисто, и стены выкрашены веселенькой желтой краской.

Ни в какую камеру Лизу, конечно, не посадили, а велели ждать в общей комнате, где за высокой загородкой сидел дежурный. Ее спутники удалились. Лиза просидела почти час в полусне, в отделении было тепло, и ее развезло. Она очнулась от зычного голоса дежурного:

– Которая Скворцова? Проходи в кабинет!

В кабинете кто-то грозный и усатый в форме смотрел на нее сердито. Рядом со столом примостился Михалыч на шаткой табуретке.

– Ну что? – спросил усатый. – Как же вы, гражданка Скворцова, дошли до жизни такой?

Лиза угрюмо молчала. У нее болела голова, хотелось есть, пить, в туалет и еще оказаться как можно дальше от этого усатого типа, от которого явственно пахло чесночной колбасой. Она до того устала и измучилась, что не было сил пошевелить языком. Да и что бы это дало? Все равно они ей не поверят, да и слушать никто не станет.

– Что произошло? Вы можете внятно объяснить? – усатый повысил голос.

– Не могу, – Лиза пожала плечами, – когда я приехала, то нашла его мертвым. Сразу вас вызвала...

Она сказала это с такой горечью, что те двое переглянулись.

– Михалыч, что скажешь? – на этот раз в голосе усатого появились человеческие нотки.

– Да что скажу... – пробурчал Михалыч, – он и правда холодный был, окоченел уже. Я так думаю, рано утром он помер.

– Но-но, – усатый нахмурился, – ты у нас не врач. Это он однозначно скажет...

– Что я – покойников не видел, что ли? – Михалыч обиженно отвернулся.

– Ну вот... – Лиза обрадованно посмотрела на давно не стриженный затылок Михалыча.
– Что – вот? – рассердился усатый. – Ни о чем это не говорит! Вы могли приехать рано утром, а когда он упал, не сразу полицию вызвали. Плакали-рыдали, думали, может, он очухается... Вот если бы кто-то вас видел... С соседями не знакомы?

– Да нет, он тоже ни с кем не знался... – с тоской ответила Лиза.

Она вспомнила долгий утренний путь, и как сосны качались вдоль дороги, и как струи дождя стекали по стеклу машины...

– Стойте! – Она даже вскочила с места. – Я вспомнила! Меня гаишник остановил на тридцать седьмом километре. Старший сержант Стриж!

– А вы что же – правила нарушаете? – с усмешкой спросил усатый.

– Ничего я не нарушила, он предупредил, что на девяностом километре авария большая и чтобы я в обход ехала. А я сказала, что мне раньше, на Лиственное, сворачивать.

– На тридцать седьмом, говоришь? – оживился Михалыч. – А во сколько?

Она назвала примерное время. Ей велели посидеть в общей комнате, усатый уткнулся в бумаги, а Михалыч отправился звонить по телефону.

Дежурный посмотрел на Лизу уже не так грозно и даже предложил стакан чаю. Чай отдавал веником, но Лиза была рада и такому.

– Ну что, – через некоторое время Михалыч вышел из кабинета, – повезло тебе. Вспомнил тебя Стриж – машинка, говорит, ему понравилась – новенькая, синенькая... Так что подпиши бумаги и езжай-ка ты домой, на тебе лица нет. Да осторожней там, на дороге.

– Спасибо... – выдавила из себя Лиза, – а с ним что будет?

– Увезут его в морг, завтра врач приедет, вскрытие будет делать. Так и напишут – смерть от несчастного случая: или голова закружилась, или споткнулся и упал. Дело закроют.

Только в машине перед Лизой встал вопрос, нужно ли звонить Никите домой, чтобы сообщить печальное известие.

«Не буду, – подумала она, – ничего не стану больше делать. Пускай они сами...»

* * *

Санитар и водитель труповозки сдали тело потерпевшего в морг и отправились по своим делам. Санитар давно собирался поправить забор у тещи на участке, а у водителя было назначено свидание с секретаршей сельсовета Лидой.

Проводив коллег, санитар морга Кондрат облегченно вздохнул. Он не любил живых, живые его раздражали своим суетливым и бестолковым поведением, своими бесконечными разговорами. То ли дело мертвые! Мертвые – они не суетятся, не скандалят, не качают права. От мертвого всегда знаешь, чего ждать, ежели его положишь на оцинкованный стол, он так на нем и лежит.

Кондрат запер дверь морга и направился в крошечную комнатенку, которую он важно именовал своим кабинетом.

Здесь, под столом, у него был тайник, который представлял собой самый обыкновенный кирзовый сапог, но в этом сапоге Кондрат хранил литровую бутылку первоклассного самогона, который по собственному рецепту гнала у себя в сарае соседка Кондрата, бабка Леокадия.

В процессе самогонования Леокадия использовала исключительно натуральные, экологически чистые продукты, поэтому Кондрат не сомневался, что этот самогон помогает от всех известных науке болезней и даже от некоторых неизвестных.

Убедившись, что живых на вверенной территории не имеется, а мертвые ведут себя пристойно, Кондрат достал бутылку из тайника, нацедил себе полный стакан, достал из ящика стола сушку и, со стаканом в одной руке и сушкой в другой, вернулся в покойницуку.

Пить в одиночестве Кондрат не любил, считал, что это верный путь к алкоголизму, поэтому выпивал исключительно в компании своих молчаливых подопечных.

Сперва он хотел выпить с тем мужиком, которого только что привезли на труповозке. Но отчего-то передумал. Какое-то у этого мужика было недоброе лицо. Да и вообще – человек незнакомый, городской, кто его знает, что у него на уме.

Поэтому Кондрат отправился в другой конец мертвецкой, где лежал тракторист, загнущийся вчера с перепою. Этот – свой человек, местный, с ним и выпить не грех, тем более что при жизни он этим делом охотно занимался. Правда, имя тракториста Кондрат забыл, но это дело поправимое.

Кондрат подошел к столу, на котором лежал тракторист, взглянул на бирку, привязанную к большому пальцу ноги.

На бирке было написано, что покойного звали Станиславом Бубенцовым.

– Ну, будь здоров, Станислав! – уважительно проговорил Кондрат и лихо опрокинул стакан самогона.

Занюхав самогон сушкой, он почувствовал, что жизнь не так плоха, как иногда кажется, и в ней всегда есть место маленьким радостям.

Тем временем короткий осенний день подходил к концу. На улице смеркалось, и в окна морга проникало все меньше света. Кондрат хотел уже включить верхний свет, да передумал: в полутьме ему было как-то спокойнее и уютнее.

Сумерки быстро догорали. В комнате становилось все темнее.

Кондрат зевнул и поплелся в свой кабинет за новой дозой, как вдруг услышал в дальнем конце мертвецкой, возле окна, какой-то подозрительный шум.

Кондрат расстроился. Шума он не любил и в своем хозяйстве всячески старался избегать. Он повернулся в ту сторону, откуда доносился шум, и увидел странную и немыслимую картину: на более светлом фоне окна виднелся темный силуэт, весьма напоминающий человеческую фигуру. Этот человек слезал с цинкового стола – поступок, совершенно недопустимый для порядочного покойника.

– Лежать! – крикнул Кондрат чужим, непослушным голосом.

Однако недисциплинированный покойник не обратил на его окрик никакого внимания. Он спустил ноги со стола и встал на кафельный пол, как будто находился у себя дома.

– Свят-свят-свят! – пробормотал Кондрат, отступая к стене.

Он потянулся к выключателю, чтобы включить наконец верхний свет и разглядеть подозрительную фигуру, но то ли выключатель сломался, то ли лампа перегорела, только в мертвецкой ничуть не стало светлее.

Тем временем непоседливый мертвец осмотрелся по сторонам и направился к Кондрату.

В голове несчастного санитаря в долю секунды пронеслась его жизнь. Собственно, ничего особенно интересного в этой жизни не было, так что доли секунды вполне хватило. Кондрат попятился, споткнулся о провод, упал на кафельный пол и потерял сознание.

* * *

Очнулся Кондрат от резкого и неприятного запаха.

Он дернул головой, чихнул и открыл глаза. Перед его взором все дрожало и расплывалось, как на экране старого, плохо настроенного телевизора.

– Живой! – раздался над ним удивительно знакомый голос.

Кондрат потряс головой, чтобы привести мозги в привычное состояние, протер глаза кулаками и увидел над собой склоненное лицо Арсения Никодимовича.

Арсений Никодимович был доктором из районной больницы. За неимением отдельного специалиста он выполнял в районе обязанности патологоанатома и время от времени проводил вскрытия скончавшихся с перепою механизаторов и забитых мужьями доярок.

– Живой! – повторил Арсений Никодимович, выбросив тампон, смоченный нашатырным спиртом, при помощи которого он вернул к жизни Кондрата. – Ты что – дряни какой-то выпил?

– Я дрянью никогда не пью! – обиженно пробормотал Кондрат. – Я только хороший продукт употребляю, ик... экологически чистый!

Выговорив со второго раза такое сложное иностранное слово, он с гордостью взглянул на доктора. Впрочем, на того это не произвело никакого впечатления.

– А ежели ты живой, так показывай, где у тебя вчерашний труп.

– Это какой же вчерашний? – засуетился Кондрат, поднимаясь и оглядывая вверенное ему помещение.

В голове его крутились какие-то странные видения.

Такое случилось раз, когда киномеханик Мишка с пьяных глаз поставил пленку задом наперед, и вместо любимого индийского кино посетители сельского клуба двадцать минут смотрели какую-то непонятную артхаусную белиберду.

– Слушай, Кондрат, мне тут с тобой возиться некогда! – рассердился доктор. – У меня еще работы немерено! Покажи мне покойника, которого тебе вчера менты привезли, а потом можешь дальше спать!

– Ах, которого менты... – Кондрат направился к столу, на который вчера уложил доставленного полицейскими мертвеца.

Стол, однако, был пуст. Простыня свисала углом до самого пола, край ее был разорван.

Тут в голове у Кондрата возникли смутные и неприятные воспоминания. Темная мертвечка и человеческий силуэт на фоне окна...

Во рту у Кондрата пересохло. Он подумал, что бабка Леокадия, судя по всему, добавляет-таки в свой самогон какую-то химию.

– Ну, чего ты там возишься? – раздраженно проговорил Арсений Никодимович. – Где тот покойник?

– Нету... – проговорил Кондрат внезапно охрипшим голосом.

– Что ты несешь? – Доктор подошел к нему, уставился на пустой стол. – Как это нету? Ты его спяну не туда положил!

– У меня такого никогда не было! – обиженно возразил Кондрат. – У меня всегда порядок!

– Ладно, кончай заливать! Мне еще в Скотное ехать надо, а там дорога сам знаешь какая! Ну, где же тот покойник?

– Куда же он девался? – забормотал Кондрат и подошел к другому столу. Откинув простыню, увидел там знакомую покойницу – бабушку Настасью из деревни Косопятовки, которая на сто втором году жизни отравилась грибами.

На третьем столе лежал таджик Мамед, утонувший на прошлой неделе и так никем и не востребованный. Еще в мертвечкой был Станислав Бубенцов, с которым Кондрат выпивал минувшим вечером...

Больше покойников не было.

– Ну, долго мне еще ждать?! – напомнил о себе Арсений Никодимович. – Где вчерашний покойник?

И тут Кондрат отчетливо вспомнил темную мертвечку и приближающегося к нему ожившего мертвеца...

– Сбежал! – проговорил он вполголоса, доверительно склонившись к доктору.

– Ты что, Кондрат, белены объелся? – процедил Арсений Никодимович, брезгливо отстранившись от пропахшего карболкой и формалином санитаря. – Ты что несешь? Как это покойник мог сбежать?

– Вот так и сбежал! – повторил Кондрат. – Ожил и сбежал! Я это своими глазами видел, вот как вас сейчас!

– Совсем глаза залил! – констатировал врач. – Вот отправлю тебя на принудительное лечение...

– Можете меня куда угодно отправлять, а только я его взаправду видел! – повторил Кондрат и добавил тихим, испуганным голосом: – Мне бы водички святой...

Доктор с досады плюнул на грязный пол.

* * *

– Ходют и ходют, а мне за ними убирать! – Уборщица баба Рая шваркнула тряпкой по ногам позднего посетителя, сунула тряпку в ведро и поплелась к своей подсобке. Рабочий день закончился, и можно было возвращаться домой, где ее давно ждала ненормальная дочка Анфиска. Анфиске было уже за сорок, но она воображала, что ей пять лет, и вела себя соответственно – сосала палец, играла самодельными куклами и, встречая мать с работы, заглядывала в сумку и сюсюкала: «Мамочка, а чего ты мне принесла?»

Баба Рая включила в подсобке свет, сняла синий халат, надела теплую вязаную кофту, серую куртку с капюшоном. Она хотела повесить халат в стенной шкаф, потянулась было к дверце, но вдруг почувствовала такую тоску, такой холод, как будто за этой дверцей простиралось бескрайнее болото, поросшее низкими тщедушными кустами и припорошенное первым снегом. Болото, куда не заглянет по своей воле ни один живой человек, куда не забежит ни один дикий зверь, не залетит ни одна птица, куда и солнце-то никогда не заглядывает. Болото, в котором хозяйничает мертвый северо-западный ветер, уныло напевающий свою бесконечную песню.

Баба Рая испуганно отдернула руку и перекрестилась, чего прежде никогда не делала.

«Что это со мной такое? – подумала она с беспокойством. – Не иначе грипп подхватила! Надо будет дома выпить хреновухи!»

Она повесила халат на гвоздик, подхватила сумку, погасила в подсобке свет и отправилась домой.

Едва в подсобке наступила тишина, дверь стенного шкафа с негромким скрипом открылась. Там стоял человек с удивленным и растерянным лицом.

Он нервно сглотнул, огляделся, втянул воздух ноздрями.

Пахло карболкой, хозяйственным мылом и еще чем-то, чему он не мог подобрать названия.

Что это за комната? Как он здесь оказался?

В голове был какой-то багровый клубящийся мрак, в котором время от времени, как молнии во время ночной грозы, вспыхивали отдельные картины.

Он вспомнил, что прошлый раз проснулся тоже в очень странном месте – на оцинкованном столе, в большом холодном помещении, где стояло еще несколько таких же столов, на которых кто-то лежал.

Он сел на столе, спустил ноги, огляделся.

Вдруг до него дошло, что это за место.

Морг. Мертвецкая.

Наверное, он попал в аварию, его приняли за покойника и привезли сюда. Такие случаи бывают, он слышал о них, и часто.

Хорошо еще, что они не успели провести вскрытие. Иначе пришлось бы так и записать в свидетельстве о смерти: причина смерти – вскрытие...

Он слез на пол, сделал шаг, другой.

Как ни странно, у него ничего не болело, наоборот, он чувствовал себя удивительно сильным и здоровым. В покойницкой было холодно, но этот холод ничуть его не беспокоил, он только придавал бодрости и энергии. А то, что здесь было темно... это было вообще здорово, темнота отчего-то особенно его радовала. Кстати, он удивительно хорошо видел в темноте. Куда лучше, чем прежде. Вот только ужасно хотелось есть – до судорог, до головокружения. И еще... еще он никак не мог вспомнить, что с ним было раньше, до аварии. Если честно, он и аварию не помнил. Если это действительно была авария.

И еще у него чесалась и горела шея.

В дальнем конце мертвецкой, возле неплотно закрытой двери, слышался какой-то шум.

Он обернулся и увидел человека в белом халате. Тот странно себя вел – пятился, размахивал руками...

При виде человека он почувствовал себя как-то странно. Голод стал еще сильнее, и отчего-то ему показалось, что тот человек возле двери чем-то может ему помочь...

Он пошел к человеку, но тот взмахнул руками и упал.

Он подошел ближе, оглядел лежащего, облизнулся...

Голод стал просто невыносимым.

Да что это с ним?

Он сделал над собой усилие, обошел лежащего человека и вышел из мертвецкой.

За дверью был короткий коридор и еще одна дверь.

Открыв эту дверь, он оказался в другом коридоре, длинном, тускло освещенном люминесцентными лампами из дальнего окна бледным расплывчатым светом уличных фонарей.

Он пошел вдоль коридора, толкнул одну дверь, другую...

Одна дверь особенно привлекла его внимание. Она была заперта, но он сильно надавил плечом, и дверь распахнулась.

Это было странно: раньше у него никогда не хватило бы сил высадить дверь плечом.

Он вошел внутрь и оказался в кладовой. Здесь был и большой белый холодильник, и стеллаж, на котором лежали коробки и пакеты с крупами, сахаром и хлебом. Он вспомнил, что голоден, разорвал один пакет, достал хлеб... и бросил его: хлеб не вызывал у него ничего, кроме отвращения.

В растерянности подошел к холодильнику, открыл.

На полках лежали масло, колбаса, сыр, стояли кастрюльки и судки с едой. Есть хотелось, но вся эта еда отчего-то не привлекала его.

Тем не менее он неуверенно взял кусок колбасы, потянул в рот, прожевал...

Вдруг желудок скрутило судорогой, он согнулся, и его стошнило колбасой.

Что же с ним такое происходит?

Он обвел взглядом содержимое холодильника, снова почувствовал тошноту, закрыл дверцу и торопливо покинул кладовую.

Снова оказался в коридоре и пошел вперед...

Очередная дверь заставила его остановиться.

Он привычно надавил плечом, вошел в большую комнату, где было несколько белых столов с какими-то медицинскими приборами и три закрытых шкафа. Отчего-то его неудержимо потянуло к одному из этих шкафов.

Он распахнул дверцу.

Внутри, на узких белых полках, стояли пробирки с темно-красной жидкостью. При виде этой жидкости голод стал еще сильнее. Жидкость издавала удивительный, волнующий запах. Он схватил одну пробирку, другую и жадно выпил их содержимое.

Это было восхитительно. Никогда прежде он не пробовал ничего вкуснее. Чуть солоноватая жидкость наполнила желудок чудесным теплом, разлившимся по всему телу.

Он хватал пробирки одну за другой и пил, пил, пил...

Опомнился, только когда выпил все, что было в шкафу.

Голод пропал, самочувствие стало еще лучше, чем прежде. Хотелось петь и танцевать.

Он чувствовал необычайный прилив сил. Вообще, он никогда, даже в молодости, не чувствовал себя таким сильным и молодым, как сейчас.

Он закрыл шкаф.

Только теперь до него дошло, что это такое.

Это медицинская лаборатория, а восхитительная жидкость в пробирках – кровь...

Ну и что? Он слышал и читал, что многие народы употребляют кровь в пищу. Кровь очень полезна и питательна, и если не все еще оценили ее вкус, то это вопрос привычки.

В окно заглянула луна. Он отступил в сторону – отчего-то не захотелось, чтобы лунный свет коснулся его кожи.

Тут вдруг он осознал, что ходит по больнице совершенно голым.

Открыл еще один шкаф, нашел там белый халат и мягкие тапочки без задников. Халат был маловат, тапочки сваливались, но лучше так, чем ничего.

Он снова вышел в коридор.

Теперь его переполняла странная, пьянящая радость.

Впереди открылась одна из дверей, появился человек в мятом белом халате...

Отчего-то он понял, что лучше не попадаться этому человеку на глаза, и юркнул в темную дверную нишу.

Человек, негромко напевая, прошел мимо.

Почему-то ему снова захотелось есть, но это чувство быстро прошло – он был еще сыт.

Опять стало тихо.

Он крадучись двинулся по больнице, переходил из коридора в коридор, с этажа на этаж, пытаясь вспомнить, что с ним было прежде и кто он, собственно, такой.

Время быстро шло. Небо за окном начало понемногу светлеть, и тогда его охватила паника.

Это светлеющее небо... отчего-то оно пугало его.

Пока еще ничего, но потом, когда окончательно рассветет... нельзя остаться один на один с этим небом! Нельзя остаться наедине с солнечным светом! При одной мысли о солнечном свете его охватил ужас. Пока не рассвело, нужно найти себе какое-то убежище!

Больница тем временем начала оживать, где-то раздавались голоса, звякала посуда. Впереди в коридоре показалась санитарка со столиком на колесиках.

Он дернул первую попавшуюся дверь и оказался в подсобке, где уборщица держала свой инвентарь – ведра, швабры, дешевую бытовую химию. Здесь был еще стенной шкаф, и он забрался туда, вжался в дальний угол, завесив себя какими-то старыми ватниками.

Тут было тихо, спокойно, а самое главное – темно.

Он закрыл глаза и провалился в глубокий черный сон без сновидений.

* * *

И вот сейчас он снова проснулся, выбрался из своего убежища и огляделся.

Опять была ночь, а ночь – это его время.

Опять безумно хотелось есть.

Но впереди долгая осенняя ночь, так что он успеет насытиться.

А еще за это время нужно найти какое-то более надежное убежище, куда он сможет спрятаться на рассвете.

Немного выждав, он выбрался в коридор.

Больница понемногу затихала.

Кое-где еще раздавались голоса, ходячие больные в застиранных халатах переходили из палаты в палату: искали собутыльников или так – поговорить.

Он пробирался по коридору, инстинктивно выбирая самые темные места, затаиваясь, прижимаясь к стене, когда навстречу попадался человек. Его потянуло вниз, он нашел темную лестницу и спустился в больничный подвал. Там, перед неплотно закрытой дверью, горела тусклая пыльная лампочка. Он раздраженно покосился на лампочку, свет которой вызывал неприятное, болезненное чувство. Из груди неожиданно вырвалось глухое рычание. Впрочем, вопрос решился просто: подняв с пола обломок кирпича, он бросил его в лампочку. Сразу стало темно и спокойно.

Впрочем, тут же открылась дверь, оттуда вытек неприятный желтоватый свет, в нембе этого света появилось злое красное лицо. Тетка в сатиновом халате огляделась и прошипела:

– Опять лампочка лопнула! Надо Федьке сказать...

Он инстинктивно вжался в темный угол, тетка его не заметила, вернулась, неплотно притворив за собой дверь.

Из-за двери выбивался тусклый электрический свет.

Свет его раздражал, но гораздо сильнее этого раздражения был голод, сводивший внутренности судорогой, темным ядом проникавший в каждую пору.

Отчего-то он подумал, что там, за дверью, можно как-то утолить голод.

Он подкрался к двери, приоткрыл ее, осторожно заглянул.

За дверью была кладовая, где хранили одежду больных, пока они находились в больнице. Кладовщица Васильевна шарил по карманам чужих пальто и курток, искала там забытую хозяевами мелочь. Она была так увлечена этим занятием, что не сразу услышала скрип двери. Услышав, повернулась в испуге – подумала, что ее застала за предосудительным занятием старшая медсестра Марья Дмитриевна или еще кто-то из начальства. Однако на пороге кладовой стоял какой-то доходяга из больных – бледный, сутулый, с горящими воспаленными глазами, в кое-как застегнутом халате с чужого плеча.

– Ты куда приперся, козел? – заорала Васильевна, вымещая на доходяге свой минувший испуг. – Тебя кто в подвал пустил? Ежели ходячий, так думаешь, где угодно шлаться можешь? Вот я тебя сейчас быстро из ходячего в лежачие переведу!

Она схватила подвернувшуюся под руку швабру и с угрожающим видом двинулась на нарушителя больничного режима. Тот, однако, с неожиданной для больного ловкостью выбил у нее из рук швабру и ухватил Васильевну за руки. Хватка у него была железная, а руки – твердые и холодные, как мороженная рыба.

– Пусти! – завизжала Васильевна. – Пусти, сволочь инфекционная! Я племяннику своему, Лешке, пожалуюсь, он в полиции служит, отметелит тебя как сидорову козу... После Лешкиного крещения ты прямым ходом на инвалидность отправишься...

Однако упоминание грозного племянника не произвело на странного больного никакого впечатления. Руки его сжались еще сильнее, рот приоткрылся, показались удивительно белые зубы. Но самым страшным в нем были глаза – черные, глубоко запавшие и совершенно пустые. Васильевне показалось, что эти глаза затягивают ее, засасывают, как бездонное болото. Еще мгновение – и она, наверное, исчезла бы, затянутая в черные провалы этих глаз, но вдруг он отвернулся, пристально уставился на лампочку, освещавшую подвал. Лампочка на мгновение вспыхнула ярче прежнего и тут же погасла.

Подвал погрузился в тяжелую свинцовую темноту, в которой светились только глаза страшного существа. Васильевна еще успела удивиться: при свете его глаза казались угольно-черными, в темноте же они светились...

Он смотрел на противную визжащую тетку и чувствовал что-то странное. Казалось бы, она не должна вызывать ничего, кроме омерзения, но в то же время она его притягивала, он чувствовал, что она может утолить его голод. И еще... он не мог отвести взгляд от жилки, бьющейся на ее дряблой желтоватой шее.

А голод стал просто невыносимым. И вдруг, сам не понимая, что с ним происходит, он впился зубами в ее шею.

Васильевна издала резкий, пронзительный звук, затем странно закашлялась, закудахтала, как зарезанная курица, и обмякла в его руках.

А он жадно пил темную, чуть солоноватую кровь.

Кровь у старой кладовщицы была невкусная, какая-то затхлая, но все равно она утоляла мучивший его зверский голод, наполняла тело силой и энергией.

Он пил долго, жадно, и когда почувствовал, что насытился, – кладовщица превратилась в пустой, легкий бурдюк, в чехол от человека. Он с омерзением отбросил ее и огляделся.

Это было удачное место: здесь хранилась одежда больных, и ему удалось без труда подобрать что-то по своему размеру. Одевшись, он вспомнил, что для существования в мире живых людей нужны деньги, и взял все, что сумела найти по карманам Васильевна.

Затем он сыто рыгнул и покинул подвал, а на улицу вышел через маленькую неприметную дверку.

На улице было хорошо – темно и тихо. Правда, кое-где горели фонари, но он их благополучно обходил.

Ноги сами несли его куда-то.

Он шел по безлюдной поселковой улице, приносясь к струящимся со всех сторон запахам.

Странно, раньше он не представлял, как много вокруг разных запахов, в лучшем случае различал десяток-другой: кофе, корицы, ванили, еще кое-каких пряностей, духов знакомых женщин, запах бензина, аромат цветов, зимние запахи мандаринов и хвои.

Сейчас же он чувствовал и различал их сотни. Свой запах был у каждого предмета, у каждой вещи, у каждого живого существа. Больше того, свои запахи были у чувств и мыслей. Так, перед тем как умерла та противная женщина в подвале, он почувствовал резкий и жгучий запах ее страха, а потом – запах смерти, тяжелый и тусклый, как могильная земля...

Сейчас он почувствовал запах живого существа, агрессивный и самоуверенный. Взглянув вперед, туда, откуда доносился этот запах, он увидел бездомную собаку, большого косматого пса. Собака побежала было в его сторону, залаяла, обнажив крупные желтые клыки, но вдруг остановилась, словно налетела на невидимую стену, захлебнулась, попятилась, поджала хвост и жутко, жалобно завывала...

Он снова почувствовал запах страха – и усмехнулся, слегка обнажив зубы. Собака оборвала вой, всхлипнула и бросилась наутек.

Он прибавил шагу: какой-то голос внутри его сказал, что нужно поспешить.

Куда? Он этого не знал, но шел уверенно и быстро, как будто точно знал свою цель.

И очень скоро подошел к железнодорожной станции.

Не хотелось заходить в ярко освещенное здание вокзала, он обошел его и сбоку вышел на перрон. Здесь тоже горел фонарь, но в конце перрона было темно.

Вдруг из темноты долетел приближающийся грохот, появились два огромных слепящих глаза. Он почувствовал странное волнение, словно увидел какое-то высшее существо, но тут же понял, что это всего лишь пригородная электричка.

Так вот куда он торопился...

Дверь открылась прямо перед ним.

Он вошел в полупустой вагон.

Внутри было слишком светло, он поежился, во всем теле началась неприятная ломота. Тогда он прошел по вагонам и нашел один полутемный, в котором большая часть ламп перегорела. Сел в самом темном углу, прикрыл глаза и замер.

Электричка мчалась мимо ночных поселков и полустанков. Когда он открывал глаза и выглядывал в окно – видел рассыпанные в темноте огни, словно волчьи глаза, провожающие поезд.

На одном из перегонов в вагон вошли две женщины в железнодорожной форме. Одна из них подошла к нему и проговорила усталым, монотонным голосом:

– Молодой человек, ваш билетик!

Он поднял на нее глаза, взглянул, не говоря ни слова.

Контролерша увидела его глаза. Она сглотнула, попятилась и прошла в другой вагон.

Наконец электричка подъехала к городу.

Он встал, вышел из вагона, как можно быстрее покинул вокзал с его круглосуточной суетой и назойливым светом, свернул в темный переулок и пошел вперед.

Теперь он точно знал, куда идет.

Он шел домой.

Из темной подворотни показалась сутулая приземистая фигура, заступила ему дорогу. Хриплый самоуверенный голос проговорил с наглой уголовной растяжкой:

– Дай закурить! Слышь, ты, козел, дай закурить! Я с тобой разговариваю – или ты не понял?

Правая рука незнакомца скользнула вниз, в ней сверкнуло лунным бликом узкое лезвие.

Он взглянул на незнакомца, чуть заметно опустил нижнюю губу, из груди вырвалось хриплое рычание. Тот покачнулся, как от удара, закашлялся и бросился бежать.

Наивный, он воображал, что ночь – это *его* время!

Фонарь возле подъезда не горел. Домофон на двери тоже не работал – кто-то из соседей вставил щепку в дверную петлю, и дверь не закрывалась до конца. Он проскользнул в подъезд.

Лифтом пользоваться не стал – представил себе тесную, ярко освещенную кабину, и от одной этой мысли заломило виски.

По лестнице легко, на одном дыхании, поднялся на седьмой этаж, подошел к двери, позвонил.

Дверь открылась почти сразу.

На пороге стояла его жена, в розовом домашнем халатике, голова обмотана полотенцем.

– Ты что-то забыл?

Он сразу же понял по запаху, что она только что занималась любовью. Никакая ванна не смогла смыть запах чужого мужчины. Вот, значит, как... Он там жил в полном одиночестве и отвратительных условиях, а она тут... Месяца не прошло, как они разошлись. Да они ведь женаты!

Наконец жена разглядела его и попятилась:

– Ты? Какого черта тебе здесь нужно?

– Какого черта? – переспросил он спокойно. – Живу я тут!

– Живешь? – проговорила она неожиданно спокойно. – Ну надо же, вспомнил! А я-то уже обрадовалась, что ты поселился где-то далеко и избавил меня от своего присутствия! Я-то уже подумала, что могу наконец сама строить свою собственную жизнь!

Он вспомнил этот спокойный насмешливый голос, от которого у него сводило скулы и ломило виски, голос, который заставлял его чувствовать свою ничтожность, свою человеческую несостоятельность. Если бы она кричала, ругала его последними словами, била посуду – это было бы не так оскорбительно, это было бы легче перенести. Он мог бы ответить ей тем

же. Но этот спокойный голос ржавым шурупом ввинчивался в его мозг, выносить это было невозможно.

Голод опять с новой силой проснулся в нем, слился с ненавистью к этой спокойной, уверенной в себе женщине – и он бросился на нее.

Он хотел сразу же прокусить жене горло, чтобы заставить ее замолчать, заткнуться, но толстое махровое полотенце сползло на шею, и зубы увязли в нем.

В глазах жены вспыхнуло удивление и еще какое-то непонятное чувство.

– Ты с ума сошел? – проговорила она, слегка задыхаясь. – Да что с тобой? Нет, пожалуйста, только не это... надо же, откуда что взялось... да ты в своем ли уме?

Ему показалось, что в ее голосе, в ее глазах презрительное равнодушие сменилось женским интересом и волнением. И еще... он почувствовал запах ее кожи, чистый и свежий аромат ее волос...

Тут он наконец справился с полотенцем и добрался до горла, вонзил в него зубы, почувствовал вкус крови. Кровь была свежая, горячая, чуть сладковатая – не то что у той гнусной тетки в подвале. Он сделал жадный глоток.

– Ты... что... вообразил... – пробормотала жена, но тут же захлебнулась собственной кровью, закашлялась, ноги ее подломились. Он прижал ее к стене и медленно, смакуя, пил кровь. По ее телу пробежала короткая судорога, которая напомнила ему их лучшие времена. Впрочем, воспоминания о тех временах постепенно гасли, таяли в его мозгу, уступая место другим, новым мыслям и чувствам.

Она обмякла, глаза ее погасли. Он бережно поддерживал безжизненное тело и пил, пил, как пьют старое выдержанное вино, наслаждаясь каждым глотком.

Наконец он сыто отвалился от ее горла, осторожно опустил тело жены на пол. Что ж, прежде она мучила его, но сегодня она искупила прежние грехи, насытив его своей кровью и доставив странное, удивительное, незаконное наслаждение.

Он оглянулся и оторопел – оказывается, все это он проделал при открытой настежь входной двери. Но никто не вышел, ни одна дверь на площадке не скрипнула, стало быть, никто ничего не видел.

Теперь следовало позаботиться о теле жены.

Он быстро обошел квартиру, всюду гася свет и старательно задерживая шторы.

В кладовке он нашел большой чемодан. Вспомнил, как они с женой ездили на море – шум прибоя, лунная дорожка на воде, привкус соли на ее коже. Впрочем, это теперь чужие, ненужные воспоминания, он задвинул их в дальний угол сознания. Это все в прошлом, когда они были совсем другими. Она была живой, а он...

Не додумав эту мысль до конца, он вытащил чемодан в коридор, легко поднял тело жены, привычно удивившись своей новой силе, запихнул труп в чемодан.

Она еще не утратила гибкости, и ему без труда удалось уложить ее в чемодане, только одна рука все время вываливалась наружу. Он нажал коленом, кое-как затолкал непослушную руку, закрыл чемодан и снова поставил его в кладовку. Потом нужно будет вынести чемодан из дома и бросить в воду. Или в строительный котлован. Совсем недалеко отсюда он видел строительную площадку.

Но это можно сделать позднее.

Он еще раз обошел квартиру.

Здесь было хорошо, темно и тихо.

Это – убежище, отличное убежище, в котором его никто не найдет.

А ему нужно убежище...

Сейчас он был сыт, сыт и спокоен, но потом будут другие ночи, придет голод, ему нужно будет охотиться, а потом где-то скрываться, потому что у таких, как он, много врагов...

Остаток ночи он ходил по квартире, в его голове мелькали какие-то смутные мысли, какие-то планы, звучали странные голоса – знакомые и незнакомые.

Наконец на шторах проступили смутные блики рассвета.

Он почувствовал беспокойство, беспокойство и тоску.

Его время кончалось, наступало время людей. Значит, нужно спрятаться, затаиться...

Он вошел в кладовку – туда, где стоял чемодан с телом жены.

Почувствовал сладкий и волнующий запах смерти.

Ему не будет здесь одиноко...

Он забрался в глубину кладовки, прижался к стене, набросил на себя старое ватное одеяло и заснул стоя. Заснул странным, черным сном без сновидений, больше похожим на смерть, чем на сон.

* * *

В День святого Кондратия никто в столице Валахии Тырговиште не занимался своим делом: гончары не лепили горшки и корчаги, бондари не набивали обручи на новые бочки, золотых дел мастера не стучали своими молоточками, менялы не обменивали итальянские дукаты на флорины и талеры. Все жители города высыпали за ворота, чтобы поглядеть на нового правителя.

Впереди стояли важные бояре в длинных шубах и высоких косматых шапках, воины в дорогих генуэзских доспехах, в блестящих шлемах, украшенных перьями заморских птиц. За ними теснились купцы и богатые цеховые мастера, а уж за теми – народ попроще: мелкие торговцы, подмастерья и совсем уж нищий сброд – всем ведь охота поглядеть на молодого государя.

И только мальчишки, не соблюдая никаких правил и приличий, умудрялись протиснуться в первые ряды, ящерицами проползти под ногами у купцов и мастеров, у бояр и воевод, чтобы раньше всех увидеть процессию.

И вот наконец на церковной колокольне зазвонил колокол: это был знак, что оттуда, с самой верхотуры, заметили приближающуюся к городу процессию.

– Едут! Едут! – закричали в толпе.

Зеваки от любопытства потянулись вперед, потревожили покой знати. Кто-то из бояр распорядился, и воины из охраны плетью и черенками копий отогнали чернь на положенное ей место.

Все снова затихли – и тогда в наступившей тишине стали слышны ритмичный бой барабанов и дикие, хриплые звуки рожков. Из-за поворота дороги показалось облако пыли, толпа ахнула, а когда пыль осела, стали видны турецкие всадники на прекрасных конях, едущие по четыре в ряд.

– Сипахи! Это сипахи! – со знанием дела сообщил сын гончара Марко своему соседу, сыну разносчика. – Смотри, какие богатыри!

Отряд всадников-сипахов приблизился, и теперь горожане увидели, что следом за ними, между двумя рядами пехотинцев-янычар на белоснежном скакуне едет черноволосый юноша, почти подросток, в красном кафтане и собольей шапке.

– Это сам господин Влад! – прошептал Марко, не сводя глаз с разодетого юноши.

Сипахи проехали между рядами горожан, приблизился юный государь, окруженный янычарами. Лицо его было гневно. Привстав в стремях, он крикнул ломким еще голосом:

– Шапки долой! На колени! На колени, смерды! На колени перед своим государем!

Простонародье привычно опустилось в грязь, но бояре и воеводы стояли, полагая, что к ним это не относится.

– А вы что стоите? – крикнул Влад и выхватил из драгоценных ножен кривую турецкую саблю. – Запомните, смерды: государь Влад Дракулешти не повторяет дважды!

Бояре, кряхтя и вздыхая, сняли высокие шапки, опустились на колени. Только один из них продолжал стоять, не снимая шапку и хмурия густые брови.

– А ты что же? – Влад уставился на непокорного.

– Я – Стефан Данешти! – ответил тот гордо. – Мой род старше твоего! Моему деду император Сигизмунд даровал право не снимать перед ним шапку и не опускаться на колени! Неужели ты считаешь себя выше императора?

– Что ты, боярин, не считаю! – проговорил Влад смиренным голосом. – Если уж такое право даровал тебе император – мне ли его отнимать!

При этих словах кое-кто из бояр облегченно перевел дух: кажется, новый государь не так уж суров! Не чета своему свирепому отцу и старшему брату!

– Мне ли отнимать у тебя это право! – повторил Влад. – Больше того, я сделаю так, чтобы ты, боярин, не дай бог, не снял шапку по ошибке или по забывчивости.

Он повернулся к ближним воинам и приказал:

– Прибейте ему шапку!

Трое воинов выбежали из рядов янычар, двое схватили строптивного боярина за руки, третий приставил к шапке большой плотницкий гвоздь и двумя ударами молотка вбил его в голову. Боярин завизжал как зарезанная свинья и упал лицом в грязь.

– Сынок-то почище батюшки будет! – прошептал на ухо соседу старый боярин, переживший десятерых правителей.

Юноша, который в этот день приехал в столицу Валахии – Тырговиште, был сын покойного правителя Владислава Второго. Отец его получил прозвище Дракул, или Дракон, за свою жестокость, а также за то, что входил в небольшой и очень почетный рыцарский орден Дракона, учрежденный императором Сигизмундом. По нему род его именовался Дракулешти. Тринадцати лет отец отдал своего второго сына, Влада, заложником турецкому султану. Влад провел в плену четыре года. Владислав-старший погиб на войне, его место занял старший сын, Мирчо. Но потом и он пал жертвой боярского заговора. Тогда турки освободили юного Владислава и посадили его на отцовский трон под именем Владислава Третьего Дракулы, то есть сына дракона.

* * *

– Ну, и где эта твоя деревня? – Тоня остановилась, поправила лямку рюкзака и взглянула на Иваныча. – Четыре часа топчемся вокруг этого болота, и никакой тропинки! Может, и нет ее? Сколько времени прошло с тех пор, как эту карту нарисовали!

– Правда, Иваныч, сколько можно! – поддержал Тоню Шурик. – Надо возвращаться, если мы хотим засветло вернуться на станцию!

– Сейчас, ребята! – Иваныч снова сверился с картой, оглядел поляну, на которой они стояли. – Сейчас, это должно быть где-то здесь...

Впереди, за невысокими кустами, насколько хватало глаз, протянулось бесконечное Суоярвинское болото. Юго-западный ветер уныло трепал чахлую болотную траву, покрывающую редкие кочки, время от времени на поверхности болота с глухим странным звуком лопались пузыри болотного газа. Откуда-то издалека, из самого сердца болота, донесся глухой тоскливый вой.

– Что это? – спросила Тоня, опасливо понизив голос. – Волки?

– Здесь нет волков, – уверенно ответил Иваныч. – И что волкам делать на болоте? Это просто ветер...

– Странный какой-то ветер!

– Хватит ныть! – прикрикнул на нее Иваныч. – Ты забыла, как в прошлом году под Вологодой мы чуть не заблудились? А зато какую потом нашли деревню! Чего там только не было – и прялки, и мотовила, и расписные туеса, и даже несколько икон!

Уже несколько лет Шурик, Иваныч и Тоня занимались «черным краеведением» – находили на бескрайних просторах страны заброшенные, обезлюдившие деревни и собирали по пустым домам разную старинную утварь – иконы, прялки, самовары, деревянную посуду и прочие изделия народных промыслов. Эти вещи они потом продавали антикварам и коллекционерам. Это приносило им кое-какие деньги, а самое главное – вносило в их однообразную офисную жизнь элемент приключения, яркие впечатления и незабываемые минуты.

Все трое работали в крупной консалтинговой компании, но звезд с неба не хватало, были самым обыкновенным «офисным планктоном». Готовили скучные отчеты, пресмыкались перед начальством, заискивали перед клиентами. Зато в те дни и недели, которые они проводили в своих поисках и путешествиях, ребята чувствовали себя первопроходцами и героями вроде Индианы Джонса, их жизнь наполнялась смыслом, приобретала яркие краски.

– Вот оно, это дерево! – радостно воскликнул Иваныч, бросившись вперед.

– Какое же это дерево? – разочарованно протянул Шурик. – Это пень...

Действительно, на краю поляны, возле самого болота, темнел огромный корявый пень, оскаленный черными неровными краями, как клыками какого-то гигантского доисторического животного.

– Конечно, пень! – проговорил Иваныч тоном знатока. – Карту рисовали лет сорок назад, уже тогда эта береза была очень старая, а с тех пор она сгнила и рухнула, один этот пень и остался. Но я уверен, что это она, все приметы совпадают! Отсюда начинается тропинка, которая ведет через болото к той самой деревне!

Несколько месяцев назад Иваныч раздобыл у знакомых краеведов старую карту, на которой была помечена опустевшая деревня вепсов, скрытая в глубине этого болота. Опустилась эта деревня лет сто назад, никто не знал, по какой причине. Да и причина эта никого не интересовала. Главное, что там очень давно никто не был, а значит, можно найти много интересных вещей...

– Вот, в десяти шагах от пня валун, – Иваныч пнул носком сапога заросший мхом камень, – от него отсчитываем восемь шагов на северо-запад, и тут начинается тропа...

– Ты уверен? – опасливо проговорила Тоня. – Не забредем мы в трясину?

– Уверен! – отчеканил Иваныч, хотя в глубине души у него оставались сомнения. – Но я пойду первым, если что...

Продолжать он не стал – это было ясно без слов.

Все трое вооружились заранее запасенными слегами – длинными прочными палками, сделанными из тонких осиновых стволов, и Иваныч шагнул на первую кочку.

С первой кочки он перешагнул на вторую, третью...

Скоро все трое углубились в болото. Твердая земля и высокие деревья остались далеко позади, вокруг были только чахлые болотные растения, редкие кочки да бездонные окна черной болотной воды.

Иваныч шел уверенно, перепрыгивая с кочки на кочку, ощупывая дорогу слегой. Один раз слега провалилась в яму, он с трудом удержал равновесие, выдернул слегу и едва заметно изменил направление, сверившись с какими-то почти неуловимыми приметами.

Вокруг царила та вязкая, гнетущая тишина, какая бывает только на болотах, – тишина, не нарушаемая пением птиц, шорохом листьев, скрипом ветвей. Тишина, которая обволакивает человека, как ватой.

Из-за этой тишины путники, разговаривая, невольно понижали голос, будто боялись разбудить какое-то дремлющее в болоте зло.

– Долго еще идти? – проговорила Тоня.

Иваныч остановился, опираясь на слегу, прислушался к каким-то отдаленным звукам и только после этого ответил:

– Мы прошли пока лишь четыре километра. Судя по карте, до деревни всего семь... так что сама считай!

– Только четыре? – огорчилась Тоня. – А мне кажется, что все десять...

– На болоте всегда так! – И Иваныч продолжил путь.

Прошел еще час, и впереди показался пологий холм, на котором виднелись невысокие корявые деревья и прячущиеся среди них полуразвалившиеся избышки.

– Пришли! – проговорил Иваныч, опершись на слегу и повернувшись к спутникам.

В голосе его звучала не столько радость, сколько усталость и настороженность.

Они прошли последние метры болота и наконец ступили на твердую землю. От края болота начиналась едва заметная тропа, поднимающаяся на холм. По этой тропе они прошли метров двадцать, и наконец вся деревня открылась перед их глазами.

Впрочем, это трудно было назвать деревней.

Даже в лучшие времена это было жалкое поселение, насчитывающее не больше десятка вросших в землю приземистых избышек. Сейчас же все эти избы развалились почти до основания, кровли из дранки и соломы сгнили, сквозь них проросли деревья. Правда, в центре деревни сохранилась маленькая часовня. Ее крутая крыша была почти цела, только крест свалился и лежал рядом, в густой траве.

– Интересно, почему жители покинули эту деревню? – проговорила Тоня, оглядываясь по сторонам.

– Гораздо интереснее, зачем они здесь вообще поселились! – отозвался Иваныч.

– Вряд ли мы тут найдем что-то стоящее! – разочарованно протянул Шурик.

– Не говори раньше времени! – возразил Иваныч. – Кое-что могло уцелеть. Во всяком случае, здесь никто до нас не был, так что ничего не растащили...

– Да тут наверняка и тащить-то было нечего!

– Не спеши! Часовня есть – а это уже хорошо: там могли сохраниться иконы...

Однако, прежде чем осмотреть часовню, Иваныч заглянул в ближнюю избу.

Внутри ее пахло сыростью, плесенью, запустением и еще чем-то странным и неприятным. Большую часть избы занимала печка. Она неплохо сохранилась, и даже местами проглядывала старая побелка. Впрочем, по белой поверхности тут и там были разбросаны какие-то темные пятна. В одном месте пятно было странно знакомой формы – темный овал, а от него отходят пять неровных полос, одна чуть в стороне от других. Тоня подошла к печке и приложила руку – ладонь точно легла на пятно, только по краям остался узкий темный обвод.

– Это отпечаток чьей-то ладони! – проговорила Тоня, невольно понизив голос.

– Ладонь была побольше твоей! – отозвался Шурик.

– А чем это она была испачкана? Сажей?

– Нет, не сажей! – Шурик потер край пятна. – Сажа давно отошла бы.

– Тогда чем же? – Тоня испуганно смотрела на отпечаток руки. В ее голове крутилось страшное слово, но она не могла его произнести. Просто не могла.

– Это кровь! – спокойно проговорил Иваныч, подойдя сзади.

– Кровь? – в один голос выпалили Тоня и Шурик. – С чего ты взял?

– Видел, – ответил тот. – А вон и тот, чья это кровь...

Он обошел печку и показал в угол.

Там на полу лежал скорченный скелет. Костлявая рука лежала на груди, как будто мертвец от чего-то пытался заслониться. Пальцы скелета были сложены щепотью.

– Он крестился перед смертью! – едва слышно выдохнула Тоня.

– Ну и что? – отозвался Иваныч. – Пошли отсюда, все равно здесь нет ничего интересного!

– Да, ничего... – подтвердила Тоня, пнув валявшуюся возле двери дубинку, заостренную с одного конца.

Ей хотелось скорее выйти на воздух, покинуть это жилище, пропахшее гнилью, запустением и чем-то еще. Теперь она поняла чем – смертью.

– Тебе ничего не показалось странным? – проговорил Шурик, когда они вышли из избы.

– Станным? – Тоня усмехнулась. – Да тут все странно... это еще мягко сказано!

– А все-таки...

– Ну, говори уж!

– Здесь не было икон. Ни одной иконы. Прежде ведь в любой деревенской избе непременно висели иконы.

– Ну, жители забрали их, когда покидали деревню!

– А ты уверена, что они ее покинули? Ты видела этот труп... то есть скелет...

– Ну, мало ли – кто-то один не захотел уйти и потом умер в собственном доме...

– Ага, и оставил на печке кровавый отпечаток!

Иваныч тем временем уже зашел в следующую избу.

Тут они тоже не нашли ничего интересного – только засохшая связка чеснока висела над дверью.

– Странное место для приправы! – проговорила Тоня. – Обычно такие вещи хранятся возле печи.

– Это не приправа, – возразил Шурик. – Чеснок вешали для защиты от вампиров.

– Вампиров? – насмешливо переспросил Иваныч. – Ты, дорогой, перепутал. Вера в вампиров, вурдалаков распространена в Румынии и Венгрии, а мы находимся на Карельском перешейке! Ну, идем в часовню, там-то мы наверняка найдем что-нибудь интересное...

Он распахнул дверь часовни и замолчал, не переступая порога.

– Что там? – спросил Шурик, заглядывая через его плечо.

Иваныч не отвечал.

Прямо перед ними, свисая с потолочной балки, раскачивался в петле скелет. Еще два скелета лежали на полу, сцепившись, словно и после смерти они продолжали непримиримую борьбу.

Иваныч преодолел испуг, шагнул вперед и наклонился над сцепившимися мертвецами. В груди одного из них торчал короткий заостренный кол, острый конец которого был обуглен.

– А вот и иконы! – проговорил Шурик, показав в угол часовни. – Только проку от них будет немного!

Действительно, в углу валялась груда обгорелых досок. Кое-где можно было еще различить темные лики святых, изломанные фигуры грешников. На самой верхней иконе была

хорошо видна страшная морда одного из чертей, вилами сталкивающих грешников в котлы с кипящей смолой.

– Неужели не осталось ни одной целой? – Иваныч склонился над обгорелыми иконами, пошуровал концом палки. – Нет, с этими ничего нельзя сделать!

– Вон там, кажется, одна уцелела! – Шурик махнул куда-то наверх, под купол часовни. Иваныч посмотрел в указанном направлении.

Наверху, рядом с потолочной балкой, и правда висела икона.

Только икона эта была какая-то странная: святой, на ней изображенный, смотрел на путников грозно и сурово, будто в чем-то их обвинял или чем-то грозил.

– И правда, хорошо сохранилась! – обрадовался Иваныч. – Ну-ка, помоги...

Он подтащил к стене какой-то чурбан, залез на него, потянулся к иконе, но не достал до нее.

Слез, огляделся, нашел еще несколько досок и соорудил из них помост. Теперь ему хватило роста, он схватился за икону обеими руками и рванул на себя. Икона осталась на месте, а сам Иваныч потерял равновесие и свалился со своего пьедестала.

Он вскрикнул, Тоня поспешила на помощь.

Иваныч сидел на полу, прижимая к себе левую руку.

– Что с тобой?

– Кажется, сломал... – проговорил он сквозь сжатые зубы.

– Ох, как чувствовала – не надо было сюда идти!

Тоня нашла две подходящих доски и соорудила из них лубок.

– Ну, нужно хоть эту икону достать! – повторял Иваныч. – Шурик, слазь за ней!

– Нет! – отрезала Тоня. – Не хватало, чтобы теперь Шурик что-нибудь сломал! Это еще хорошо, что ты сломал руку, а не ногу – иначе как бы мы тебя отсюда вытаскивали через болото? Все, приключения заканчиваются, надо, пока не стемнело, переходить болото, пробираться на станцию и ехать в город. Тебе нужно к врачу...

Они вышли из часовни.

За ней была ложбинка, на которую они сперва не обратили внимания. Теперь, приглядевшись, Тоня поняла, что это деревенское кладбище. Тут и там стояли покосившиеся кресты, виднелись невысокие могильные холмики. Но ее внимание привлекли несколько глубоких ям среди старых могил. Видимо, это тоже были могилы, только не засыпанные землей или, скорее, разрытые.

Тоня не удержалась, подошла к краю кладбища, словно какая-то сила тянула ее туда, заглянула в одну разрытую могилу, в другую...

На дне каждой могилы в открытом гробу лежал человеческий скелет с вбитым между ребер осиновым колом.

А в одной могиле...

Тоня остановилась перед ней в ужасе.

Здесь скелет лежал не в гробу, а на краю ямы, лицом вниз, вцепившись костлявыми пальцами в глинистую почву, словно мертвец пытался выбраться из могилы, и уже на самом ее краю его все же настигли и забили в спину осиновый кол.

Что же произошло тут, в этой затерянной среди болот деревеньке, много десятилетий назад? Какой ужас поселился здесь и прогнал последних уцелевших жителей, если только кто-то из них уцелел?..

– Пойдемте скорее отсюда! – Тоня повернулась к своим спутникам. – Я не хочу остаться тут, когда стемнеет!

На этот раз даже Иваныч не стал возражать.

Они подобрали свои слезы и пустились в обратный путь через болото. Всю дорогу они молчали, безуспешно пытаясь забыть то, что увидели в опустевшей деревне.

Наконец впереди показалась опушка леса, и скоро они достигли края болота.

– Пойдем через этот лесок, – предложил Шурик, сверившись с компасом. – Так мы должны скорее выйти к станции.

Они нашли подходящую тропу и пошли по ней на север. Понемногу начало смеркаться.

Однако вскоре тропа сменила направление. Идти в ступающих сумерках по бездорожью спутники не решились, они пошли дальше по тропе и в результате вышли не к станции, а к краю безлюдной пустоши.

К этому времени почти совсем стемнело. Впереди, на пологом холме, возвышался большой мрачный дом. Ни одно окно в нем не светило, однако идти в темноте по незнакомым местам казалось сродни самоубийству, нужно было найти ночлег, а ничего, кроме этого дома, поблизости не имелось. Шурик, теперь возглавлявший группу, зашагал вверх по холму.

Скоро они подошли к ограде дома. Ворота были открыты, темный дом словно приглашал их. Спутники вошли в ворота, опасливо оглядываясь по сторонам. Вокруг наступила какая-то особенная, гулкая тишина, такая бывает перед рассветом или сразу после заката. Шурик поднялся на крыльцо, постучал.

Этот стук гулко разнесся в настороженной тишине, отдался эхом внутри дома.

– Смотрите! – проговорила Тоня, опасливо понизив голос, и показала на одно из окон.

Там за пыльным стеклом появился одинокий колеблющийся огонек, словно кто-то пронес свечу. Огонек переместился и исчез. За окнами снова воцарилась темнота.

– Ну что, есть там кто-нибудь? – проговорил Шурик.

В голосе его звучали раздражение и страх. Он опять постучал – и вдруг входная дверь дома с ревматическим скрипом открылась.

Шурик заглянул внутрь дома, опасливо шагнул вперед, повернулся к своим друзьям:

– Ну, заходите!

Тоня вошла следом за ним, Иваныч последним переступил порог – и дверь захлопнулась за ним.

– Что за черт? – Иваныч покосился на дверь, затем оглядел помещение, в котором они оказались.

Кроме них, здесь не было ни души.

Впрочем, в доме было темно, как в желудке огромного доисторического животного, и даже если бы здесь кто-то находился, они его не увидели бы.

– Эй, есть тут кто-нибудь? – крикнула Тоня, вглядываясь в темноту.

Ее голос гулко разнесся по дому, и, словно в ответ на него, в дальнем конце помещения появился крохотный мерцающий огонек. Этот огонек ничего не осветил, не рассеял темноту, а только сделал ее еще гуще, еще непроницаемее. Он горел высоко над полом – наверное, в глубине помещения была лестница, и тот, кто нес свечу, стоял на ее верхней площадке.

– Эй, у вас что, нет электричества? – проговорила Тоня, обращаясь к невидимому обитателю дома. – Извините, что явились без приглашения, мы шли к станции, но заблудились, нам нужно где-то переночевать...

– Переночевать! – повторило странное эхо ее последнее слово, и по комнате пронесся порыв ветерка, едва не погасив мерцающий, таинственный огонек.

– Так можно у вас переночевать? – повторила Тоня, не дождавшись ответа.

Огонек покачнулся и поплыл вверх и назад, словно тот, кто держал свечу, поднимался по лестнице. Шурик решил считать это приглашением и пошел вслед за огоньком. Тоня отчего-то медлила, Иваныч стоял рядом с ней, прижимая к груди большую руку.

– Идите сюда, – проговорил Шурик откуда-то сверху. – Здесь лестница...

В следующую секунду раздались треск и грохот, и рядом с ними упало тяжелое тело.

– Что случилось? – испуганно вскрикнула Тоня.

В первый момент она инстинктивно отскочила в сторону, но потом бросилась к упавшему, наклонилась над ним...

Это был Шурик.

Он лежал вниз лицом, не подавая признаков жизни.

– Шурик, ты что? – запричитала Тоня, пытаясь перевернуть его. – Не пугай меня...

Тоня стащила со спины рюкзак, дрожащими руками отстегнула клапан, достала фонарик. В голове ее мелькнула запоздалая мысль, как она не вспомнила об этом фонаре раньше – ни она, ни ее спутники.

Она нажала кнопку, направила луч на лицо Шурика...

И закричала от ужаса.

Его глаза были открыты, но в них ничего не отражалось. Это были пустые, мертвые глаза. И голова Шурика была повернута под немыслимым, невозможным углом.

Рядом с ней опустил на колени Иваныч. Он прикоснулся здоровой рукой к руке Шурика, потом к его шее и звенящим, чужим голосом проговорил:

– Пульса нет... он сломал шею...

– Ты хочешь сказать... – едва слышно проговорила Тоня, – ты хочешь сказать, что он...

Она не могла произнести последнее слово. И Иваныч сделал это за нее:

– Он умер.

– Черт! – выкрикнула Тоня и повернулась туда, где по-прежнему мерцал огонек. – Черт бы вас побрал! Кто вы такой? Наш друг умер! Вы понимаете – умер!

Никто ей не ответил, огонек по-прежнему мерцал, ничего не освещая.

– Чего вы от нас хотите? – проговорила Тоня, теряя надежду.

Она направила фонарь в ту сторону, где мерцал огонек, успела разглядеть лестницу, сломанные перила – и тут луч фонаря начал слабеть и вовсе погас.

– Да кто вы такой? Что вы о себе возомнили?

Вдруг раздался голос – очень тихий, но при этом заполнивший собой весь дом, очень тихий, но проникающий прямо в мозг, бесцветный и вкрадчивый голос. Невозможно было понять, принадлежит он мужчине или женщине, старику или ребенку.

– Я не звал вас, – проговорил этот голос. – Вы сами ко мне пришли. Но раз уж пришли – я приму вас как дорогих гостей и сделаю вам поистине царский подарок. Я подарю вам силу и вечную молодость. Слова «старость» и «болезнь» станут для вас пустым звуком. Не жалейте о вашем друге – он был не готов к моему подарку. Вы – другое дело...

– Вы что – сумасшедший? – зло, раздраженно проговорила Тоня. – У нас умер друг, а вы несете какую-то чушь...

– Не перебивай его! – воскликнул вдруг Иваныч. – Замолчи! Дай мне послушать!

– Не надо! Не слушай его! – Тоня вскочила, закрыла уши ладонями. – Я не хочу слушать! Я не буду слушать! Я уйду отсюда! Я лучше переночую под открытым небом, в придорожной канаве, чем останусь в доме этого сумасшедшего!

Но тихий, вкрадчивый голос продолжал звучать в ее голове, хотя она и заткнула уши:

– Ты, конечно, можешь уйти, но потом ты пожалеешь, горько пожалеешь о том, что упустила, горько пожалеешь о том, что не приняла мой щедрый дар.

Тоня бросилась к двери, попыталась ее открыть, но дверь была заперта. Как же так, ведь только что они без труда ее открыли...

Тоня трясла дверь, безуспешно дергала дверную ручку, но дверь не подавалась. Девушка услышала за спиной приближающиеся шаги, точнее, не услышала, а почувствовала чье-то беззвучное приближение. Она повернулась, прижалась спиной к двери, потому что чувствовать *это* за своей спиной было невыносимо, легче уж встретить *это* лицом к лицу.

Она смотрела в темноту – и вот темнота уплотнилась, в ней проступил смутный, едва различимый силуэт.

Тоня не столько видела, сколько ощущала его приближение. Она испытывала страх, но вместе с тем странное влечение.

Такое или почти такое чувство она пережила однажды, когда несколько лет назад стояла в Коктебеле на самом краю скалы над штормовым морем. Ревущие, беснующиеся валы с диким грохотом разбивались внизу о каменную преграду – и Тоня испытывала страх перед разбушевавшейся стихией, но в то же время восторг перед ее мощью. Внезапно ее охватило почти непреодолимое желание шагнуть вперед, шагнуть со скалы, чтобы слиться с этой древней и вечно юной стихией.

И сейчас она почувствовала, что из темноты к ней приближается нечто почти такое же древнее и могучее, как море. Ее охватило непреодолимое желание подчиниться этой темной силе, стать частью ее.

Тогда, в Коктебеле, она смогла удержаться на краю скалы, смогла преодолеть самоубийственное желание. И сейчас какая-то часть ее души сопротивлялась приближающейся к ней темной силе.

«Доверься мне, – шептал беззвучный, вкрадчивый голос в ее голове. – Оставь сомнения! Доверься мне – и перед тобой откроется новая, необыкновенная жизнь! Жизнь без болезней, без старости, без увядания! Ты станешь не только бессмертной – ты останешься вечно молодой!»

Она еще пыталась сопротивляться, но древняя сила уже прикоснулась к ней с вкрадчивой нежностью опытного любовника. Тоня вжалась спиной в закрытую дверь – и ощутила на своем горле горячие губы. Поцелуй становился все жарче, все крепче, и вдруг зубы древнего существа пронзили ее кожу. Девушка почувствовала боль – и вместе с тем небывалое блаженство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.